

РУДЕЦКАЯ
ВЕРА

Поспорил
МАЖОР
на твоё сердце

18+

Вера Рудецкая

Мажор. Пospорил на твоё сердце

<https://litres.ru/74296128>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дэн: Я поставил на кон тайное убежище, поспорив, что смогу сломать отличницу. Она считает меня чудовищем и думает, что наш совместный проект — худшее испытание в ее идеальной жизни. Она даже не подозревает, что уже стала ставкой в игре, которую я просто не имею права проиграть. Только ледяная девочка оказалась не простой, и теперь я рискую потерять не только убежище, но и голову.

Варя: Я, студентка с безупречной репутацией, всеми силами скрываю бедность за маской благополучия, пока преподаватель не ставит меня в пару для работы над проектом с сыном криминального авторитета. Теперь я должна найти с ним общий язык и подготовить эту работу, чтобы не лишиться жизненно важной стипендии. Но проблема в том, что моя тайна оказывается под угрозой. Как и сердце, которое бьётся слишком быстро рядом с невыносимым парнем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	62
Глава 9	76
Глава 10	88
Глава 11	96
Глава 12	104
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Вера Рудецкая

Мажор. Поспорил на твоё сердце

Глава 1

Варя

Я шью себе жизнь по чужим лекалам, и у меня есть на то причины.

Три ночи подряд — крой, намётка, утюг. Кроп-жакет из хлопка. Копия итальянского бренда, который мне не по карману. Стежки ровные. Пальцы исколоты. На нашем факультете нельзя выглядеть бедно.

Я соблюдаю правила.

Ветер треплет волосы. Соня специально опустила окна Ауди, хотя я просила закрыть. Ей нравится врываться на парковку с музыкой и ветром. Мне нравится, когда укладка остаётся живой.

Достаю зеркальце. Приглаживаю прядь у виска.

— Ты нервничаешь. — Соня убавляет музыку. — Из-за Кирилла.

— Я не нервничаю.

— Ты поправила волосы четыре раза за минуту.

Убираю зеркальце в сумку. Экран телефона вспыхивает — на заставке наша совместная фотография. Кирилл обнимает меня на набережной. Июнь. Закат. Красивая пара на красивом фоне.

Но я понятия не имею, кем мы друг другу приходимся. А признаться в этом вслух — значит разрушить картинку. Картинка — единственное, что у меня есть.

Соня сворачивает на парковку. Резко бьёт по тормозам. Колёса визжат, и меня бросает вперёд — ремень врежется в ключицу. Капот Ауди замирает в сантиметре от бампера Гелендвагена.

— Сонь...

— Я вижу, — шепчет она.

Тонированное стекло внедорожника ползёт вниз. Карина высовывается с пассажирского сиденья — тёмные очки, губы цвета крови.

— Глаза разуй, идиотка.

Узнаю номера. Узнаю машину. Превращаюсь в ледышку, когда водительская дверь Гелендвагена открывается.

Денис Волков ступает на асфальт. Лёгкая рубашка навыпуск, расстёгнутая на пару пуговиц, рукава небрежно закатаны, под ней — белая футболка. Аккуратная стрижка. Часы на запястье стоят больше, чем мамина квартира. Он двигается медленно, и в этой медлительности столько уверенности, что хочется провалиться.

Я знаю, чем он занимается. Весь факультет знает. Волков

работает на отца — человека, чьё имя здесь произносят шёпотом.

Соня вцепляется в руль.

— Варь, поехали. Найдём другое место.

Волков делает шаг к моей двери. Взгляд скользит по лицу, по рукам, которые я держу неподвижно.

Расправляю плечи. Опускаю стекло. Приподнимаю бровь.

— Научи подругу водить, — говорит он.

— Спасибо за совет.

— В следующий раз держите дистанцию. — Кивает на зазор между бамперами. — Если «следующий раз» случится.

Угроза.

Поднимаю подбородок. Сердце колотится, но лицо — камень.

— Занимай одно парковочное место, Волков. Тогда дистанции хватит всем.

Со стороны пассажирского сиденья Гелендвагена — смех. Паша, вечный спутник Волкова, хлопает себя по колену.

— О, она дерзкая.

Волков молчит. Рассматривает.

Потом отступает на шаг. Распахивает мою дверь — широко, театрально.

— Прошу.

Выхожу. Запах от него крышесносный. Взгляд скользит по жакету.

— Шмотка норм, — говорит тихо. — Изнанка — дешё-

вая.

Рука сама дёргается к бедру. Пальцы находят подкладку. Всё на месте. Убираю руку.

Как он понял? Или просто бросил наугад? А я повелась. Если кто-то узнает — всё рассыплется.

Сжимаю зубы и иду ко входу.

Соня догоняет меня в холле. Хватает за локоть.

— Ты в своём уме? — Шёпот такой яростный, что пара первокурсников шарахается в сторону. — Волков — это катастрофа. Ты же знаешь, что он делает с людьми.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Я одёргиваю жакет. Поворачиваюсь к ней.

— Потому что здесь — он студент. А я — староста.

Соня смотрит на меня с опасением.

— Я закажу тебе красивые венки. Белые розы. Тебе пойдёт.

— Кто умер? — раздаётся за моей спиной.

Голос знакомый. Ленивый. Тёплый.

Я оборачиваюсь. Кирилл стоит у колонны — загорелый, в льняной рубашке, расстёгнутой на две пуговицы. Улыбается. Дубайское солнце превратило его в рекламу дорогого курорта.

Я шагаю к нему. Он целует меня в щёку.

— Все живы. — Я кладу ладонь на его грудь.

Он обнимает меня за талию.

— Красавица.

Я почти верю.

Стеклянные двери разъезжаются. В холл входит Денис Волков. Руки в карманах пальто. Шаг — размеренный. Студенты расступаются — кто-то торопливо, кто-то делая вид, что просто шёл в другую сторону.

— Зачем они вообще числятся на факультете, — тянет Кирилл, наблюдая за процессией. — Криминал.

Волков проходит мимо нас. Замедляет шаг. Его взгляд задерживается на руке Кирилла на моей талии. Потом переходит на моё лицо.

Одна секунда.

Он кивает мне — едва заметно и идёт дальше по коридору.

Пальцы становятся ледяными.

— Варь? — Кирилл заглядывает мне в лицо. — Ты побледнела.

— Кондиционер, — говорю я. — Слишком холодно.

Сентябрь. Двадцать четыре за окном.

Кирилл кивает. Он всегда верит. В этом его прелесть.

Я смотрю в спину Волкову. Он сворачивает за угол. И последнее, что я вижу, — как он поднимает руку и проводит пальцами по нижнему краю рубашки.

Жест зеркальный. Мой жест.

Повторяет.

Денис

Первый день выпускного курса, а я уже сижу в кабинете декана. Кресло жёсткое. Обивка потёртая. На стене — портрет ректора. Игнатьев новый. Его поставили руководить факультетом экономики в августе. Кто-то в ректорате решил навести порядок. Интересно.

Игнатьев сидит напротив. Рубашка отглажена до хруста. Запонки. Кончики пальцев сложены домиком. Он расправляет плечи — тренированный жест, такой же выверенный, как узел его галстука.

— В этом году не должно быть никаких инцидентов, Волков. Просто доучись и вперёд.

Он изучает моё лицо. Ждёт реакцию.

Реакции нет. Я научился этому в тринадцать, когда отец впервые привёл меня на встречу с должником. «Моргнёшь — проиграешь», — сказал он тогда. Я не моргал, пока не заслезилась глаза.

Игнатьев понятия не имеет о реальном положении дел. Он уверен, что контролирует ситуацию. Я могу заблокировать его банковские счета за три минуты. Позвонить одному человеку — и запонки с его рубашки окажутся в ломбарде.

Но я сижу. Молчу. Киваю.

Мне нужен этот диплом. Алисе нужен этот диплом. Точнее — Алисе нужно, чтобы я его получил. Мой единственный шанс вытащить сестру из отцовского дома и стать самостоятельным.

Декан встаёт. Опирается руками на столешницу. Ладони плоские, пальцы растопырены — жест человека, который привык давить.

— Я дал слово ректору. Любые выходки, портящие репутацию нашего вуза, будут пресечены. Отчислю любого нарушителя.

Любого. Красивое слово. Но не всегда достижимое.

— Мне доложили об утреннем инциденте на парковке, — продолжает Игнатьев. — Ты угрожал студентке.

Угрожал. Я прокручиваю утро в голове. Ауди влетает на парковку. Тормозит в сантиметре от моего бампера. Колёса визжат. Карина вскрикивает на пассажирском сиденье, расплёскивает кофе на приборную панель.

Я выхожу. Говорю: «Научи подругу водить». Вежливо. Спокойно.

Это — угроза?

А потом из Ауди вышла Соколова. Три года я успешно существовал в параллельной реальности с этой девочкой. Она — староста. Я — тот, кого старосты обходят стороной. Идеальная схема.

Соколова сломала схему за тридцать секунд. Жакет с иголочки. Подбородок задран, будто ей вручают Нобелевскую премию. Голос — ровный, отрепетированный.

«Занимай одно парковочное место, Волков. Тогда дистанции хватит всем».

А потом хватается за жакет, как будто её поймали на во-

ровстве. Интересно.

Я запомнил. Я всегда замечаю такие вещи. Профессиональная привычка.

— Хочу услышать твою версию, — говорит Игнатъев.

Я откидываюсь в кресле. Мою версию никто на этом факультете никогда не слушал. В прошлом году Паша устроил драку в клубе. Я взял вину на себя — потому что у Паши условная судимость и давление у матери. Деканат вписал инцидент в моё личное дело.

— Утренний разговор — недоразумение, — говорю я. — Я попросил быть аккуратнее. Всё.

Игнатъев смотрит на меня. Я смотрю на него. Он ждёт, что я отведу глаза.

Я не отвожу.

Декан садится. Поправляет запонку на левом запястье.

— Давай договоримся, Денис. Ты избегаешь подобных ситуаций. Я не звоню твоему отцу.

Аргумент. Единственный, который на меня влияет. Если отец узнает, что я снова в деканате, — Алисе станет хуже.

Молча киваю.

Игнатъев встаёт. Я поднимаюсь следом. Иду к двери.

— И ещё, Волков.

Я останавливаюсь у двери. Оборачиваюсь.

— Моя цель — успешный выпуск каждого студента на этом факультете. Включая тебя. — Он делает шаг ко мне. — Оставь свои предубеждения за порогом этого кабинета.

Понял?

— Понял.

Выхожу в коридор. Поток студентов течёт к аудиториям. Кто-то смеётся. Кто-то жуёт на ходу. Первокурсницы сбиваются в стайки у расписания, вертят головами.

Достаю расписание из кармана.

Экономика. Антонина Павловна.

Строгая. Честная. Ставит оценки за знания, а за фамилию — двойки. Единственный преподаватель на факультете, которого я уважаю.

Иду по коридору. У аудитории триста двенадцать — столпотворение. Студенты гудят. Я пробиваюсь к двери.

Внутри — ряды амфитеатром. Задние — уже заняты. Золотарёв сидит на предпоследнем — развалился, ноги вытянуты в проход, рука на спинке соседнего кресла. В соседнем кресле — Соколова. Спина ровная. Тетрадь раскрыта. Ручка в пальцах.

Она поднимает голову. Наши взгляды пересекаются.

Секунда.

Я сажусь в первый ряд.

Паша плюхается рядом.

— Что декан?

— Жить будет.

— Ну тебя, — ржёт. — Говорят, Соколова нажаловалась.

Я достаю тетрадь. Открываю чистую страницу.

— Соколова нажаловалась?

— Ну, кто-то стуканул Игнатьеву. Бабы шепчутся.
Я щёлкаю ручкой. Раз. Два.

Соколова нажаловалась. Пошла к декану в первый же день. Разыграла жертву. Включила правильный голос, правильное лицо.

— Забей, — говорю я Паше. — Открывай тетрадь.

— С каких пор ты ходишь на пары?

— С тех пор, как мне пообещали отчисление.

Паша присвистывает.

Дверь аудитории открывается. Входит Антонина Павловна — невысокая, в очках на цепочке, с кожаным портфелем, который старше всех студентов в зале.

— Доброе утро.

Она обводит аудиторию взглядом. Останавливается на мне.

— Волков. Первый ряд. Я впечатлена.

— Стараюсь, Антонина Павловна.

— Старание — это выполненное домашнее задание. Задание было?

— Было. Выполнено.

Поднимает бровь. Я достаю из тетради распечатку. Десять страниц. Анализ макроэкономических показателей стран БРИКС. Я писал его ночью, между двумя звонками должникам.

Антонина Павловна берёт листы. Перелистывает.

— Неплохо. Обсудим после пары.

С задних рядов доносится шёпот. Я затылком чувствую чей-то взгляд.

Открываю тетрадь. Начинаю записывать.

А на полях, мелким почерком, пишу другое. План на семестр. Пункт первый: диплом. Пункт второй: Алиса. Пункт третий: Соколова...

Ручка замирает.

А что Соколова?

Антонина Павловна начинает лекцию.

Я пишу. Слушаю. Стараюсь сосредоточиться на цифрах.

На перемене Паша уходит за кофе. Я остаюсь в аудитории. Проверяю телефон. Три пропущенных от отца. Одно сообщение.

«Приезжай после пар. Есть работа».

Работа. На языке отца это означает: чей-то бизнес перестанет существовать к утру.

Убираю телефон.

Дверь аудитории хлопает. Поднимаю голову.

Соколова стоит в проходе. Одна. Тетрадь прижата к груди. Она явно ожидала пустую аудиторию.

Проходит к своему месту на предпоследнем ряду. Что-то ищет. Вижу, как её пальцы шарят под откидным столиком. Находит ручку. Выпрямляется.

Между нами — двенадцать рядов пустых кресел.

— Соколова.

Она замирает. Оборачивается.

— Кто донёс Игнатьеву?

Её лицо меняется. Растерянность — вспышка, долю секунды — и сразу маска.

— Понятия не имею, о чём ты.

— Понятия не имеешь. — Я постукиваю ручкой по столу.

— Ладно.

Она разворачивается. Идёт к двери. Каблуки стучат по ступеням.

У двери останавливается. Полуоборот.

— Я никогда не жалуюсь, Волков. Я решаю проблемы сама.

— Я запомню.

Она уходит.

Смотрю на закрытую дверь. Постукиваю ручкой. Раз. Два. Три.

Соколова сказала правду. Я это вижу — по голосу, по развороту плеч, по тому, как она смотрела мне в глаза. Ей действительно плевать на Игнатьева.

Значит, донёс кто-то другой.

Открываю тетрадь. Зачёркиваю третий пункт плана.

Вписываю новый.

Пункт третий: выяснить, кто играет против меня. И что скрывает Варвара Соколова.

Глава 2

Варя

Звоню маме перед семинаром. Гудки — длинные, ровные. На пятом она берёт трубку.

— А?

Голос хриплый. Время — одиннадцать. Она ещё спит. Или уже нет.

— Мам, ты ела?

Тишина. Потом — звук, от которого сжимается всё внутри. Стекло о кафель. Что-то упало. Или она уронила.

— Мам.

— Отстань. — Пауза. — Денег пришли.

Я прислоняюсь к стене коридора. Мимо проходит стайка первокурсниц — смеются, машут расписанием. Одна задевает меня рюкзаком, бросает «простите».

— Я переведу после пар.

— Щас пришли. Жрать нечего.

В холодильнике — продукты, которые я привезла в воскресенье. Курица. Молоко. Яблоки. В шкафу пакет гречки, хлеб. Я расписала меню на неделю, приклеила к дверце магнитом.

— Мам, я всё купила. Посмотри в холодильнике.

Тишина. Потом — гудки. Сбросила.

Убираю телефон в карман. Экран гаснет. Руки подрагива-

ют. Стыскаваю пальцы и считаю до пяти. Выдох.

Соня ждёт меня у аудитории. Протягивает стаканчик.

— Латте. Овсяное. С корицей. Ты зелёная.

— Спасибо. Всё в порядке.

Она щурится. Я делаю глоток. Кофе горький — она вечно забывает сахар. Я улыбаюсь, потому что улыбка — рефлекс, который я тренировала годами.

Сегодня семинар по экономике. Первый в этом семестре. Антонина Павловна обещала объявить пары для годового проекта — того самого, от которого зависит допуск к диплому. Для меня — ещё и стипендия. Без стипендии будет совсем грустно, хоть она и невелика. Я и так еле тяну квартплату и всё остальное.

Мне нужна пятёрка. Не хочу, не мечтаю — нужна. Как воздух.

Входим в аудиторию. Семинарская — маленькая, на двадцать человек максимум. Столы по двое. Кирилл уже внутри — сидит у окна, закинул ногу на ногу. Улыбается мне. Хлопает по стулу рядом.

— Занял тебе.

Сажусь. Достая тетрадь. Кирилл наклоняется, целует в висок.

— Волнуешься?

— Из-за чего?

— Пары. Вдруг нас разлучат.

Он говорит это легко. Игриво. Для него это — забава. Го-

довой проект по экономике — повод провести время вместе, а если не вместе — ну и ладно.

Для меня это — линия жизни.

— Всё будет нормально, — говорю я.

Дверь открывается. Гул стихает на секунду — и снова поднимается, но уже осторожнее.

Волков.

Он входит первым. За ним — Паша. За Пашей — ещё двое, которых я знаю только по фамилиям и слухам. Волков идёт к свободному столу в среднем ряду. Садится. Откидывается на спинку. Вытягивает ноги.

Паша плюхается рядом.

— Слышал, Соколова на тебя настучала, — говорит он Волкову. Голос нарочито громкий.

Я стискиваю ручку. Рот открывается, но я заставляю себя закрыть. Я не стучала и уже говорила об этом. Но оправдаться перед Пашей — значит признать, что его слова имеют вес.

— Серьёзно? — Кирилл поднимает брови. — Ты жаловалась на Волкова?

— Я ни на кого не жаловалась.

— Ну, говорят...

— Говорят, — повторяю я. — А я говорю: нет.

Кирилл пожимает плечами. Достает телефон. Переключается. Ему уже скучно.

Дверь распаивается. Антонина Павловна входит стреми-

тельно — портфель в одной руке, стопка бумаг в другой, очки на цепочке покачиваются. Она бросает портфель на стол.

— Телефоны убрали.

Кирилл медленно прячет айфон в карман.

Антонина Павловна обводит аудиторию взглядом. Этот взгляд — рентген. Я видела, как под ним бледнели аспиранты.

— Я знаю, что вы выбрали себе места. И напарников. И, вероятно, уже распределили, кто будет делать проект, а кто — ставить фамилию на титульный лист.

Пауза. Кто-то нервно хмыкает.

— Но пары формирую я.

Стон прокатывается по аудитории. Кирилл бросает на меня взгляд — «ну вот». Я сжимаю ручку крепче.

Антонина Павловна раскрывает папку.

— Бирюкова — Дементьев. Второй стол.

Студенты начинают пересаживаться. Стулья скрипят. Кто-то ворчит. Кто-то тащит рюкзак через весь ряд.

— Золотарёв — Карпова.

Лена Карпова. Активистка, вечные юбки ниже колена и конспекты розовыми маркерами. Безвредная.

Кирилл встаёт. Смотрит на меня.

— Ну, удачи. — Подмигивает.

Он пересаживается к Лене. Что-то ей говорит. Она краснеет. Кирилл улыбается — та самая улыбка, от которой я когда-то забывала дышать.

Антонина Павловна продолжает список. Я жду. Пальцы побелели на ручке.

— Соколова.

Поднимаю голову.

— Волков.

Одно слово и кровь отливает от лица.

Антонина Павловна смотрит на меня поверх очков.

— Четвёртый стол. Пересаживайтесь.

Я собираю тетрадь. Ручку. Встаю. Ноги несут сами — я даже благодарна за каблуки, потому что они задают ритм, а ритм держит тело в равновесии, когда голова плывёт.

Четвёртый стол. Средний ряд. Волков уже сидит. Он не пересел — его место и так тут. Паша, которого отсадили к Мещеряковой на шестой стол, хлопает Волкова по плечу на ходу.

— Сочувствую, бро.

Волков молчит. Я сажусь рядом. Ставлю тетрадь на стол. Раскрываю. Выравниваю ручку параллельно краю.

Запах. Тот самый. Парковка. Дорогая рубашка. Что-то дымное. Мне от него хочется отодвинуться и одновременно — вдохнуть глубже. Я ненавижу обе реакции.

— Волков, — говорит Антонина Павловна. — Снимите наушник.

Я скашиваю глаза. В правом ухе у него — крошечный чёрный наушник. Почти невидимый. Антонина Павловна замечает всё.

— У меня на семинарах нулевая толерантность к параллельным занятиям. Снимите.

Он вынимает наушник. Кладёт на стол. Я успеваю заметить экран его телефона — входящий вызов, имя «М.В.». Михаил Волков. Отец.

Волков сбрасывает звонок. Убирает телефон. Лицо ничего не выражает.

— Тишина, — говорит Антонина Павловна.

Она стоит у доски. Скрещивает руки на груди.

— Я не контролирую, чем вы занимаетесь за пределами этой аудитории. Но здесь правила мои. Годовой проект — семьдесят процентов оценки. Провалите его — провалите курс. Без пересдачи. Вопросы?

Тишина. Потом Волков поднимает руку.

— Прошу.

— Антонина Павловна, вы сказали, что деньги — не мерило успеха. На прошлой лекции. Означает ли это, что факультет экономики учит зарабатывать то, что не имеет значения?

Кто-то хихикает. Кто-то перестаёт дышать.

Антонина Павловна снимает очки. Протирает их краем блузки. Надевает обратно.

— Я сказала, что деньги — инструмент. А успех — это способность использовать мозг для чего-то большего, чем личное обогащение. Сделайте что-нибудь полезное, Волков. Тогда заслужите моё уважение.

— Я и так делаю полезное.

— Боюсь спросить, что именно.

— Правильно боитесь.

Тишина. Антонина Павловна смотрит на него. Он смотрит на неё.

— Работаем, — говорит Антонина Павловна. — Посмотрите на человека рядом с вами.

Я поворачиваю голову. Волков поворачивает свою.

Близко. Я вижу тёмную полосу шрама на скуле — тонкую, старую. Вижу, как дёргается мышца у челюсти. Вижу глаза — карие, с янтарной точкой у зрачка.

Отвожу взгляд.

— Вам не обязательно дружить, — продолжает Антонина Павловна. — Но вы связаны на десять месяцев. Пять минут. Познакомьтесь получше, если раньше просто проходили мимо. Посмотрите друг на друга новыми глазами. Потом представите друг друга аудитории.

Я раскрываю тетрадь. Чистая страница. Протягиваю ему.

— Пиши о себе в моей. Я — в твоей.

Он смотрит на тетрадь. Потом на меня.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Эффективная.

Он берёт тетрадь. Протягивает свою. Пальцы у него длинные. Костяшки сбиты. Я беру его тетрадь и открываю. По черк на предыдущих страницах — мелкий, ровный. Неожиданно.

данно аккуратный для человека, который ломает людям жизни.

Я пишу. Имя. Курс. Тема дипломной. Хобби — вписываю «шитьё, бег, настольный теннис». Достаточно для публичной версии. Достаточно, чтобы выглядеть нормальной.

Краем глаза слежу за ним.

Антонина Павловна хлопает в ладоши.

— Время.

Я протягиваю его тетрадь. Он — мою.

— Золотарёв, начинайте.

Кирилл встаёт. Представляет Лену Карпову. Шутит про розовые маркеры. Аудитория смеётся. Лена краснеет.

Я открываю свою тетрадь. Нахожу страницу.

И перестаю дышать.

Три предложения. Крупным, чётким почерком.

«Ты явно что-то скрываешь. Трогаешь подкладку жакета каждый раз, когда нервничаешь. Хочешь узнать, что ещё я заметил, — скажи».

Глава 3

Денис

Ладно. Наверное, не стоило.

Написать в тетради старосты курса «Ты явно что-то скрываешь» — ход рискованный. Написать «Хочешь узнать, что ещё я заметил» — ход идиотский. Но мне хотелось посмотреть, как мисс Безупречность запнётся. Как дрогнет фасад. Хотя бы на секунду.

Она дрогнула. Закрыла тетрадь. Ладонь легла на обложку.

Я смотрю вперёд. Золотарёв бубнит про Карпову. Что-то про маркеры. Аудитория вяло смеётся. Я чувствую, как Соколова рядом собирает себя по кусочкам. Выпрямляет спину. Расправляет плечи. Вдох. Выдох. Улыбка.

Я узнаю эту технику. Сам пользуюсь каждый раз, когда отец повышает голос.

— Соколова, — говорит Антонина Павловна. — Ваша очередь. Представьте Волкова.

Соколова встаёт. Тетрадь остаётся закрытой. Она даже не смотрит в неё. Смотрит на аудиторию. Подбородок — ровно. Плечи — назад. Голос — отрепетированный.

— Это Денис Волков, — начинает она.

Я откидываюсь на спинку. Локоть на столе. Жду.

— Всё лето он, судя по всему, проводил время на важных переговорах. — Пауза. Лёгкий наклон головы. — С теми, кто

ему бесконечно должен.

В аудитории — тишина. Потом кто-то выдыхает. Кто-то хмыкает.

Я смотрю на неё. Она знает. Все знают. Но сказать вслух, при Антонине Павловне, на семинаре — это другое. Это вызов.

— И у него есть мечта, — продолжает Соколова. — О которой никто бы не догадался. Денис Волков мечтает стать преподавателем экономики. Как вы, Антонина Павловна.

Аудитория замирает. Потом — смех. Сдержанный, неуверенный. Никто не знает, можно ли смеяться над Волковым.

Соколова садится. Бросает на меня взгляд — быстрый, победный. «Мы квиты».

Ну уж нет, Соколова. Мы только начали.

— Волков, — говорит Антонина Павловна. — Ваша очередь.

Я встаю. Медленно. Поправляю рукав. Обвожу аудиторию взглядом — от Паши на заднем ряду до Золотарёва у окна. Золотарёв смотрит на меня так, будто я собираюсь вскрыть сейф.

— Это Варвара Соколова, — говорю я. — Староста курса. Красный диплом. Она безупречна. Написала, что увлекается шитьём, бегом и настольным теннисом.

Пауза. Соколова рядом держит лицо. Но пальцы — снова на бедре. Снова ищут подкладку.

— Этим летом она, вероятно, практиковалась в своём

главном навыке. — Я делаю шаг от стола. — Выглядеть дороже, чем хотелось бы.

В аудитории — выдох. Кто-то присвистывает на задних рядах. Паша хлопает ладонью по столу.

— Ну ты дал, Волк.

Соколова побелела. На долю секунды. Потом — маска. Улыбка. Поворот головы к Антонине Павловне, будто ждёт оценку, а я — фоновый шум.

Но я видел. Секунду — видел.

— И её тайная мечта, — добавляю я, — найти кого-то, кто увидит подкладку её шмотки.

Тишина.

Потом — голос Золотарёва:

— Это что сейчас было?

Он поворачивается ко мне. Лицо — красное. Челюсть сжата. Я смотрю на него. Одним взглядом говорю: твоя девочка — открытая книга. И ты в ней даже не персонаж.

Золотарёв привстаёт. Кресло скрипит.

— Хватит, — обрывает Антонина Павловна. — Все.

Она снимает очки. Кладёт на стол. Потирает переносицу.

— Спасибо за... познавательные представления. Соколова, Волков — после семинара ко мне.

Остаток пары я пишу конспект. Или делаю вид. На полях — мелкий почерк. Список. Вещи, которые я заметил за Соколовой за сорок минут.

Жакет — самошив. Строчки ровные, руки у того, кто шил,

растут откуда надо, но ткань не та. Дешевле. Настоящая тянется и блестит по-другому. Про подкладку и говорить нечего. Я знаю, потому что мать всю жизнь выносила мне мозг каталогами — хочешь не хочешь, а запомнишь.

Сумка — аккуратная, но ручка перешита. Нитки чуть другого оттенка.

Телефон — прошлогодняя модель. Чехол — с маркетплейса, копия того, что продаётся в ЦУМе.

А ногти — свои. Ухоженные, но без покрытия. Маникюр стоит три-четыре тысячи. Она экономит.

Соколова не такая богатая, какой хочет показаться. Играет хорошо. Лучше, чем большинство людей, которых я пресую по работе. Те ломаются за минуты. Она держится.

Зачем?

Звонок. Студенты встают. Шум. Стулья. Рюкзаки. Золотарёв подходит к Соколовой. Что-то говорит ей на ухо. Она качает головой. Он уходит.

Я остаюсь. Соколова — тоже.

Антонина Павловна стоит у стола. Руки скрещены.

— То, что вы устроили, было оскорбительным. Оба.

Соколова открывает рот. Антонина Павловна поднимает ладонь.

— Оба. Соколова, ваш намёк на криминальную деятельность однокурсника — недопустим. Волков, ваш намёк я вообще не поняла.

Я молчу. Соколова — тоже. Хотя бы в этом мы совпадаем.

— У вас два варианта, — говорит Антонина Павловна. Кладёт на стол два бланка и два листа. — Отработка. Сегодня. Библиотека, разбор архива кафедры. Или эссе на тысячу слов. Тема — «Уважение к личным границам». К завтрашнему семинару.

Я беру бланк отработки. Соколова тянется к листу с эссе. Я усмехаюсь. Предсказуемо.

— У кого-то есть претензии к распределению пар? — спрашивает Антонина Павловна.

— Да, — говорит Соколова.

— Нет, — говорю я.

Одновременно.

Антонина Павловна смотрит на нас поверх очков.

— Пары окончательные. Вы выпускники. Привыкайте работать с теми, кого не выбирали. Мне нужен результат, а не комфорт. Вопросы?

Молчим.

— Свободны.

Выходим в коридор. Соколова идёт впереди. Каблуки — чёткий ритм. Спина — прямая. Она торопится.

— Соколова.

Она ускоряет шаг.

— Прекрати идти за мной, — бросает через плечо. Оглядывается — считает, сколько людей смотрит.

Будто я чума.

— Надень что-нибудь тёплое в субботу, — говорю я. —

На заднем сиденье байка продувает.

Шутка. Проверка. Хочу посмотреть, как она реагирует, когда теряет контроль над ситуацией.

Она разворачивается. Резко. Волосы взлетают. Глаза — серые, холодные. Красивые. Это я говорю как человек, который оценивает людей профессионально.

— Волков. Я не общаюсь с людьми, которые ломают чужие жизни. И я не собираюсь садиться на твой байк.

— Я тоже не общаюсь с людьми, которые ломают чужие жизни. — Шаг ближе. — И у меня нет байка. Пока.

— Тогда зачем...

— Проверял. Ты среагировала на «байк», а не на «субботу». Значит, суббота — вариант.

Она открывает рот. Закрывает. Щёки розовеют.

Я стараюсь смотреть ей в глаза.

— Ты донесла на меня Игнатьеву?

— А если да?

— Значит, я тебя задел. Люди жалуются на тех, кто их задел.

— Я уже говорила: я решаю проблемы сама. Мне не нужен Игнатьев. И мне не нужен ты.

— Тогда почему стоишь?

Она молчит. Секунда. Две.

— Потому что ты загораживаешь проход.

Я отступаю. Делаю жест рукой — «прошу». Она проходит мимо. Запах — что-то лёгкое. Ваниль. Или корица. Кофе,

который ей принесла подружка. Запах въедается в кожу. Это плохо.

— Тронешь её — пожалеешь.

Голос Золотарёва. Он стоит у колонны. Рядом — двое. Один — из студсовета. Второй — из его тусовки, крупный парень в поло за пятьдесят тысяч.

Я оцениваю расклад. Трое. Коридор. Камеры. Преподаватели рядом. Золотарёв подгадал. Ему нужна публика и свидетели. Он не из тех, кто дерётся. Он из тех, кто звонит папе.

— Кир, всё нормально, — говорит Соколова. Она ещё не ушла. — Я справлюсь.

Она назвала его Кир — какие нежности.

— Мой отец знает ректора, — говорит Золотарёв. — Одно слово — и ты вылетишь.

— Одно слово, — повторяю я. — Ты прав. Хватит одного. Только я никому звонить не буду. Сам справлюсь.

Золотарёв бледнеет. Крупный парень в поло делает полшага назад.

Из-за угла выходит Паша. Встаёт рядом. Ничего не говорит. Просто стоит.

Соколова становится перед Золотарёвым.

— Хватит. Пошли.

— Он тебя оскорбил при всех.

— Я сама разберусь. Пошли.

Золотарёв смотрит на меня. Я смотрю на него. Он отводит глаза первым.

Соколова уводит его по коридору. Каблуки стучат. Он что-то говорит ей. Она молчит.

Паша толкает меня плечом.

— Ну ты попал, Волк.

— С чего?

— Она тебя теперь закопает.

— Пусть сначала догонит.

Паша ухмыляется

Я иду к выходу. Достаю телефон. Четыре пропущенных от отца. Одно сообщение.

«Не заставляй ждать».

Убираю телефон. Толкаю стеклянную дверь.

На парковке — Гелендваген. Карина сидит на капоте, качает ногой. Ждёт.

— Папочка звонил, — говорит она. — Ты опаздываешь.

Я сажусь за руль. Завожу мотор.

В зеркале вижу, как Соколова выходит из корпуса. Золотарёв обнимает её за плечи. Она позволяет. Но смотрит — на мою машину.

Я выезжаю с парковки.

Телефон вибрирует. Отец.

Алиса.

Диплом.

Соколова.

Пашка.

Много переменных для одного уравнения.

Глава 4

Варя

Соня ловит меня у автомата с кофе. Хватает за локоть. Оглядывается — театрально, как в шпионском кино.

— Карина тебя ищет.

Я нажимаю кнопку. Автомат хрипит, плюётся в стаканчик жидкостью, которую здесь называют капучино.

— И что?

— И то. Она считает, что ты положила глаз на Волкова.

Я забираю стаканчик. Обжигаю пальцы. Делаю глоток — горько, водянисто, но тепло.

— Я положила глаз на проходной балл по экономике.

— Варь, это серьёзно. Карина — дочь Савельева. Того самого. У неё ногти длиннее моего терпения, и она точит их на тебя.

Я знаю, кто такой Савельев. Знаю, кто такая Карина. Девочка, у которой на запястье часы за полмиллиона, а в голове — одна извилина, и та от обруча для волос. Она не встречается с Волковым. Но ведёт себя так, будто он — её территория.

— Пусть точит. Мне нечего делить с Волковым, кроме таблицы в экселе.

Соня шуруется. Я пью кофе. Лицо — спокойное. Внутри — расчёт. Карина — переменная, которую я не закладываю.

ла. Волков на семинаре устроил спектакль. «Выглядеть дороже, чем хотелось бы». Теперь каждый в аудитории будет присматриваться. К жакету. К сумке. К ногтям.

Я допиваю кофе. Давлю стаканчик. Бросаю в урну.

— Мне на семинар.

— Варь.

— М?

— Ты нервничаешь.

— Я всегда нервничаю. Это называется «ответственность». Попробуй.

Соня фыркает. Но отпускает локоть.

На семинаре я сижу в первом ряду. Конспектирую. Рука двигается на автомате — буквы ровные, поля размечены линейкой. Голова работает параллельно.

Волков написал в моей тетради: «Хочешь узнать, что ещё я заметил — скажи». Я вырвала страницу на перемене. Смяла. Выбросила в урну в туалете — не в аудитории, где кто-нибудь мог бы достать и расправить. Я продумываю такие вещи. Приходится.

После пар иду к парковке. Привычка — провожать Соню до машины. Она подвозит меня до метро, я еду домой. Всё отработано.

У выхода — Карина. Стоит у стеклянных дверей. Тёмные очки подняты на макушку. Губы — тот же оттенок, кровавой. Рядом — подруга. Крупная, в кожаной куртке. Я не помню её имени. Она из тех, кому имена не нужны, — хватает

присутствия.

Карина отлепляется от стены.

— Соколова.

Я останавливаюсь. Соня рядом делает шаг назад. Я мысленно фиксирую: три метра до двери, камера над входом работает, охранник дядя Витя за стойкой пьёт чай.

— Слушаю.

— Ты сегодня очень мило сидела рядом с Денисом. — Карина наклоняет голову. — Тебе понравилось?

— Антонина Павловна формирует пары. Претензии к ней.

— Претензии к тебе. — Она делает шаг. — Ты краснела. Все шептались.

Я краснела. На семинаре, когда Волков сказал про подкладку. Краснела от злости, но Карине объяснять разницу бесполезно. Она видит мир через один фильтр — конкуренция за самца. Антропология в чистом виде.

— Карина, мне нечего делить с Волковым. Проект — по учёбе. Всё.

— Смотри. — Она поправляет прядь. Ноготь — острый, бордовый. — Я добрая. Один раз.

Подруга в куртке усмехается. Карина разворачивается. Уходит. Каблуки цокают по плитке.

Соня выдыхает.

— Это был ультиматум?

— Это был спектакль. Она хотела, чтобы я испугалась при свидетелях.

— А ты?

Я поправляю лямку сумки. Улыбаюсь.

— Поехали. Я опаздываю.

В машине молчу. Соня включает радио. За окном — город. Билборды. Пробки. Я прислоняюсь виском к стеклу и считаю остановки до метро.

Волков заметил подкладку. Волков заметил многое. Волков, вероятно, заметил телефон, сумку и чехол. Он считает людей. Я для него — объект. Загадка, которую хочется разгадать. Развлечение.

Мне от этого хочется содрать жакет и швырнуть в окно.

Я шила его три ночи.

Соня высаживает меня у метро. Обнимает через сиденье.

— Позвони, если что.

— Обязательно.

Я никогда не звоню «если что». Соня это знает. Но предлагает каждый раз — и за это я её люблю.

В метро — толпа. Я стою у дверей, держусь за поручень. Телефон вибрирует. Кирилл.

«Ужинаем? Я забронировал в том японском».

Японский ресторан. Счёт — пять-шесть тысяч на двоих. Он платит. Всегда. Я улыбаюсь, благодарю и чувствую себя официанткой на чужом банкете.

«Не могу сегодня. Домашние дела».

«Всё ок?»

«Всё ок».

Он присылает сердечко. Я ставлю лайк. Убираю телефон. Домашние дела. Красиво сказала.

Открываю дверь ключом. В квартире темно. Пахнет кислым — вчерашние объедки, которые никто не убрал. Щёлкаю выключателем. Коридор — узкий, обои отклеиваются в углу. На полу — туфля. Одна. Вторая — у кухни, на боку.
— Мам?

Тишина. Потом — шорох из комнаты.

Захожу. Мама сидит на полу между кроватью и стеной. Халат съехал с плеча. Волосы спутаны. На ковре — перевёрнутая рюмка. Бутылка — пустая, под батареей.

— Мам, вставай.

— Денег дай.

— Поднимайся. Я сделаю ужин.

Она хватает меня за запястье. Пальцы ледяные. Хватка — цепкая. Откуда силы?

— Денег. Дай.

Я разжимаю её пальцы. Аккуратно. Один за другим. Поднимаю её за плечи. Она лёгкая. Довожу до кровати. Укладываю. Накрываю одеялом.

На кухне мою посуду. Выбрасываю бутылку. Достаю курицу из холодильника — ту, которую привезла в воскресенье. Ставлю варить. Пока вода закипает, протираю стол, плиту, пол у раковины.

Руки двигаются сами. Ритм привычный. Я делаю это с тех пор, как отец умер, а мама нашла утешение на дне стакана.

Курица готова. Разливаю бульон. Несу тарелку маме. Она спит. Я ставлю на тумбочку. Рядом — стакан воды и таблетка от головной боли, которая ей понадобится утром.

Возвращаюсь на кухню. Сажусь. Ем. Бульон горячий, пресный — я забыла соль. Ем всё равно.

Открываю ноутбук. Лекции — законспектировать. Зада-ние по статистике — доделать. И проект по экономике. Го-довой. С Волковым.

Я открываю почту. Антонина Павловна прислала тему: «Теневая экономика и её влияние на легальный бизнес в Рос-сии». Подтемы — на выбор пары.

Теневая экономика. С Волковым. У Антонины Павловны с чёрным юмором всё хорошо.

Закрываю ноутбук. Откидываюсь на спинку стула.

Телефон. Кирилл.

— Привет, красавица. Не спишь?

— Пока нет.

— Как дела дома?

— Нормально.

— Слушай, насчёт Волкова. Я поговорю с отцом. Одно слово — и его прижмут.

— Кирилл. Не надо.

— Он к тебе привязался при всех.

— Я разберусь сама.

Пауза.

— Ты всегда так говоришь. «Сама». — Голос обиженный.

— Иногда можно просить помощь.

Я могу. У тех, кто не побежит жаловаться папе.

— Спокойной ночи, Кирилл.

— Спокойной ночи, Варь. Я по тебе скучаю.

— Я тоже.

Вру.

Кладу телефон. Выключаю свет на кухне. Захожу к маме

— проверить. Спит. Дышит ровно.

В ванной смываю макияж. В зеркале — лицо без фильтров. Синяки под глазами. Сухая кожа на скулах. Губы обветрены.

Утром я накрашусь. Надену второй жакет — тот, серый, с подкладкой понадёжнее. Выпрямлю спину. Улыбнусь.

И никто — никто — не увидит подкладку.

Но Волков — уже видел.

Выключаю свет.

Глава 5

Денис

Ресторан называется «Белуга». Частный зал. Приглушённый свет. На стенах — панели из мореного дуба. Бутылка на столе стоит больше, чем зарплата официанта за полгода.

Напротив меня сидит Аркадий Леонидович Чесноков. Владелец сети автосалонов. Депутат муниципального собрания. Отец троих детей, младшему — четыре. Жена ведёт блог о материнстве. Двести тысяч подписчиков.

Чесноков должен моему отцу восемнадцать миллионов. Не так много, но срок истёк три недели назад. Он перестал брать трубку десять дней назад. Решил, что пересидит.

Я открываю папку. Кладу на стол первый лист.

— Аркадий Леонидович. Это выписка с вашего кипрского счёта. Того, о котором ваша жена пока ничего не знает.

Чесноков берёт лист. Пальцы дрожат. Он пятьдесят два года прожил в уверенности, что умнее всех. Сейчас он понимает, что ошибался.

Кладу второй лист.

— Это адрес квартиры на Патриарших, которую вы снимаете для Кристины. — Пауза. — Кристине двадцать три. Вашей жене — сорок семь. Блог у жены, напомню, публичный.

Чесноков белеет. Вена на виске пульсирует. Он тянется к

бутылке. Я накрываю горлышко ладонью.

— Сначала дело.

— У меня нет восемнадцати, — хрипит он. — Пока нет. Мне нужно время.

— Время вышло три недели назад.

— Волк...

— Денис, — поправляю я. — Мы же в приличном месте. Он смотрит на меня. Пытается разглядеть слабинку. Пытается найти двадцатидвухлетнего студента, которого можно обхитрить, уговорить, разжалобить.

Студента здесь нет. Есть человек, который в тринадцать лет сидел напротив такого же Чеснокова и смотрел, как отец разбирает чужую жизнь на запчасти.

— У вас есть активы, — говорю я. — Салон на Ленинградке оформлен на тещу. Я проверил. Тёща, кстати, в курсе?

— Ты блефуешь.

Я достаю телефон. Открываю контакт. Показываю экран. «Зинаида Петровна Маслова. Мобильный».

— Нажать?

Чесноков выдыхает. Откидывается на спинку. Руки на столе — плоские, пальцы растопырены. Жест человека, который сдаётся.

— Неделя.

— Три дня.

— Пять.

— Три. И залог. Документы на салон. Сегодня.

Он молчит. Секунда. Две. Потом кивает.

Я встаю. Застёгиваю пиджак. Папку оставляю на столе — копии у меня в облаке.

— Приятного вечера, Аркадий Леонидович. Кристине — привет.

Выхожу через чёрный ход. Паша ждёт в машине. Мотор работает. Музыка выключена — он знает, что после встреч я предпочитаю тишину.

Сажусь. Хлопаю дверью.

— Ну?

— Три дня. Документы на салон в залог.

Паша присвистывает.

— Без рук?

— Как обычно.

— Жёстко, Волк.

Жёстко. Я прижимаю человека к стене, используя его собственные секреты. Разницы между мной и грабителем — никакой. Просто я в костюме, а он — в маске. Результат тот же. Но в этот раз я выбиваю долг.

Паша выруливает на Садовое. Огни. Рекламы. Москва в десять вечера — город, который притворяется, что в нём всё законно.

Проверяю телефон. Сообщение от Алисы.

«Спокойной ночи, Дэн. Сегодня было тихо».

Тихо — значит, отец не приходил. Тихо — значит, можно

дышать.

Набираю ответ.

«Спи. Завтра заеду».

Паша высаживает меня у дома. Квартира в престижном месте. Сто двадцать метров. Потолки три с половиной. Мебель — чёрная, минимум. Кухня, которой я почти не пользуюсь. На подоконнике — кактус. Алиса подарила. Единственное живое в этой квартире, кроме меня.

Душ. Горячий. Стою долго. Смываю запах ресторана, туалетную воду Чеснокова, его страх. Страх пахнет. Кисловатый, потный. Я чувствую его на каждой встрече, и каждый раз после встречи мою руки по локоть.

Ложусь. Потолок белый. Чистый. Я считаю дни до Алисиного восемнадцатилетия. Сто шестьдесят три. Через сто шестьдесят три дня отец может позвонить Рашидову и сказать: «Забирай».

Рашидов. Пятьдесят четыре года. Сеть ломбардов. Три ходки. Золотая цепь толщиной с палец. Он смотрел на Алису на дне рождения отца — я видел, как он смотрел. Она стояла у окна в платье, которое я ей купил, и листала телефон. Ей было пятнадцать.

Я заключил сделку на следующий день. Работаю на отца — Алиса остаётся дома. Учится. Живёт. Без Рашидова.

Пока я полезен — Алиса в безопасности.

Диплом — часть плана. Легальная работа. Легальные деньги. Достаточно, чтобы забрать Алису и исчезнуть. Мне

нужен этот год. Этот диплом. Нормальная жизнь, которую я выстраиваю по кирпичику между звонками должникам.

А ещё есть гараж.

Промзона. Бывший автосервис. Я купил его два года назад — на деньги, которые заработал сам, репетиторством по математике. Иронично: сын криминального авторитета даёт уроки школьникам. Я оформил документы на подставное лицо. Отец не знает. Никто не знает, кроме Паши.

В гараже стоят два мотоцикла. Старенькая Honda. И Урал — разобранный, в процессе. Запчасти разложены на верстаке. Инструменты на стене. Запах машинного масла и старого металла.

Единственное место, где я снимаю пиджак. Где руки делают что-то, от чего потом не хочется их мыть.

Закрываю глаза.

Засыпаю.

Проходит три дня. Чесноков платит — все, что должен плюс процент. Отец доволен. Значит, Алиса в порядке. Значит, можно дышать.

В университете — рутина. Лекции, семинары, конспекты. Хожу на пары.

Антонина Павловна задаёт темп. Первое задание по проекту — через две недели. Промежуточный отчёт: обзор литературы, структура, методология. Семьдесят процентов годовой оценки. Мне нужна четвёрка минимум. Иначе — хвост,

пересдача, задержка с дипломом. Отец узнает. Разозлится. Алиса пострадает.

Соколова за эти дни не сказала мне ни слова, кроме «привет» на семинаре. Садится рядом. Раскрывает тетрадь. Конспектирует. Уходит.

Я существую для неё как мебель. Стул слева.

Четверг. Обед. Скамейка во дворе корпуса. Сентябрь ещё держится — солнце, тёплый ветер, листья только начинают желтеть. Студенты — на улице. Кто-то ест, кто-то курит, кто-то целуется у фонтана.

Паша сидит рядом. Жуёт шаурму. Я пью кофе из автомата. — Готов к семинару? — спрашивает Паша. — Говорят, Соколова тебя ненавидит. Отодвигает стул каждый раз, когда ты садишься.

— Она аккуратная. Ей нужно пространство для тетради.

— Ага. И для эго.

Я делаю глоток. Кофе горький. Терпимо.

— Брось, Волк. — Паша вытирает рот салфеткой. — Она считает тебя уголовником. Видел, как отворачивается?

— Видел.

— И тебе нормально?

— Мне плевать.

— Плевать. — Паша щурится. — Тогда почему ты на неё смотришь?

Я смотрю на Соколову. Она сидит через двор — на другой скамейке, с Золотарёвым. Тот что-то рассказывает. Жести-

кулирует. Она кивает. Улыбается.

Жакет сегодня серый. Другой. Подкладка, вероятно, понадёжнее. Волосы собраны. Шея открыта. На шее — тонкая цепочка.

— Я на неё не смотрю.

— Спорим, ты не сможешь её разморозить?

Я поворачиваюсь к нему. Паша жуёт. Глаза весёлые.

— К чему это?

— К тому, что ледяная Соколова — это вызов. А ты любишь вызовы.

— Я люблю тишину.

— Волк. — Паша отставляет шаурму. Вытирает руки. Наклоняется ко мне. — Спорим. Если ты до нового года растопишь эту отличницу...

— Растоплю — это что?

— Признание в любви. При свидетелях.

— А если нет?

— Если нет — отдашь мне ключи от гаража.

Я перестаю пить.

Паша знает про гараж. Единственный человек, которому я доверил. Он помогал мне перевозить Урал. Он видел тачку. Стоял посреди моего единственного убежища, крутил в руках гаечный ключ и говорил: «Я бы здесь жил».

Тогда я решил — пусть знает. Один человек. Один свидетель моей настоящей жизни. Мне это было нужно.

Теперь Паша превращает это знание в рычаг. Спокойно.

С ухмылкой. Без единой угрозы — потому что угрожать не обязательно, когда ты держишь чужой секрет.

— Ты давно это планировал, — говорю я.

— Неделю.

— Нет.

Паша пожимает плечами. Жуёт. Улыбается. Глаза весёлые, но за весельем — расчёт. Я знаю этот взгляд. Я сам так смотрю на должников.

Проблема простая. Если я откажусь — Паша обидится. Обиженный Паша — болтливый Паша. Он не побежит к отцу специально. Он просто ляпнет кому-то за пивом, что у Волкова есть гараж с мотоциклами, купленный на свои. Кто-то передаст. Цепочка короткая. Отец узнает, что я прячу от него деньги и имущество. Алиса за это заплатит.

Паша — мой друг. Единственный. И именно поэтому он опаснее любого Чеснокова. Должник боится меня и молчит. Друг чувствует себя в безопасности и говорит что хочет.

Я смотрю на него. Он жуёт. Ждёт. Он даже не понимает, что делает. Или понимает — и ему плевать. Второй вариант хуже.

— Если я выиграю? — спрашиваю.

— Моя тачка. Бэха. Хочешь — продавай.

BMW M4. Паша разбил на нём три забора в прошлом году. Мне эта машина не нужна. Мне не нужен спор. Мне нужно, чтобы Паша чувствовал себя победителем — тогда он будет молчать. Довольный Паша — безопасный Паша.

Я смотрю через двор. Соколова поправляет цепочку на шее. Золотарёв кладёт руку на спинку скамейки. Она чуть отодвигается. Едва заметно. Но я замечаю.

Она от него отодвигается.

Соколова — головоломка. Я думаю о ней чаще, чем стоило бы. О её жакете. О том, как она поправляет подкладку, когда нервничает. О том, как держит лицо — ровно, безупречно, — когда внутри всё рушится.

Я делаю это тоже. Каждый день.

И теперь я должен решить, что делать с Соколовой.

Глава 6

Денис

Допиваю кофе. Ставлю стаканчик на скамейку.

— В силе.

Паша протягивает руку. Я пожимаю. Хватка у него крепкая — старается. Хочет, чтобы я запомнил момент.

Запомню.

— Доказательства? — спрашивает он.

— Ты сказал — признание.

— И видео. Для истории.

— Без видео.

— Трус.

— Человек с принципами. Привыкай.

Паша ухмыляется. Жуёт. Доволен. Именно это мне и нужно — довольный Паша. Безопасный Паша.

Соколова встаёт со скамейки. Золотарёв тянет к ней руку — она ускользает. Подхватывает сумку. Идёт к корпусу. Каблуки по плитке. Спина прямая. Хвост покачивается при каждом шаге.

Я давлю стаканчик.

Начну на семинаре.

Антонина Павловна выдаёт задания. Работа в парах — первичный анализ данных Росстата. Тридцать минут. Об-

суждение потом.

Соколова раскрывает ноутбук. Пальцы летают по клавишам — она нашла таблицы, пока я доставал тетрадь.

Сажусь. Придвигаю стул ближе, чем обычно. Она замечает — бровь дёргается. Но стул не отодвигает.

Прогресс.

— Тебе всё равно придётся со мной разговаривать, — говорю я.

— Для проекта — да. Для остального — нет.

— А если я скажу, что мы отличная пара?

Она поворачивается. Медленно. Взгляд — серый, оценивающий. Будто прикидывает ликвидационную стоимость.

— Я бы сказала, что у тебя проблемы с восприятием реальности.

— Я про проектную пару. — Пауза. — О чём подумала ты?

Щёки розовеют. Она отворачивается к экрану. Печатает быстрее.

— Соколова.

— Работай.

— У меня есть данные по теневому обороту за последние пять лет. Реальные. Из источников, к которым у Росстата доступа нет.

Пальцы над клавишами замирают.

— Какие источники?

— Ты правда хочешь знать?

Пауза. Экран. Потом — я.

— Хочу, чтобы наш проект получил пятёрку. Источники должны быть проверяемыми.

— Они проверяемые. Просто путь проверки тебе не понравится.

— Тогда мне они не нужны.

Ухмыляюсь. Даю ей время подумать.

Она поджимает губы. Я вижу, как работает её голова — расчёт, риск, выгода. Она думает, как экономист. Единственный язык, на котором мы можем разговаривать.

— Принеси данные, — говорит она тихо.

— В субботу. Кофейня на Покровке. Двенадцать.

— Отправь по почте.

— Такие вещи по почте не отправляют.

Она смотрит на меня. Я — на неё. Между нами пятнадцать сантиметров и тема годового проекта.

— Когда увидишь, расставаться передумаешь.

— У меня есть парень, Волков.

— У меня нет девушки. Хочешь на собеседование?

— Ты путаешь семинар со стендапом.

— А ты пропустила запятую в третьей строке.

Она опускает глаза. Запятая действительно пропущена. Исправляет. Челюсть сжата. Печатает дальше.

Я откидываюсь на спинку. Смотрю, как она работает. Руки уверенные. Цепочка на шее покачивается при каждом вдохе.

На полях тетради — мелким почерком — новый пункт.
Суббота. Покровка. Двенадцать.

После семинара я выхожу в коридор. У дверей — Золотарёв. Прислонился к стене. Руки в карманах. Ждёт.

Не меня.

Соколова выходит следом. Он оживает, выпрямляется, улыбается. Она берёт его под руку — привычно, красиво, на автомате. Но пальцы на его локте едва касаются ткани. Так держат зонт, который вот-вот сложишь.

Прохожу мимо. Не замедляюсь.

Если придёт в субботу — дальше моя работа.

Если нет...

Нет, придёт.

Варя

Суббота. Одиннадцать тридцать. Я стою перед шкафом и ненавижу каждую вешалку.

Серый жакет — нельзя. Волков уже видел, и после его слов на семинаре я не могу носить его спокойно. Хлопковый кроп лежит на полке. Тоже нельзя. Волков разглядит каждый стежок.

Я достаю водолазку. Чёрная, тонкая, из масс-маркета, но хорошо сидит. Поверх — пальто. Октябрь на носу, можно оправдать. В пальто нет подкладки, которую он мог бы прощупать взглядом.

Одеваюсь. Крашусь. Минимум — тон, тушь, бальзам для губ. Кофейня, а не ресторан. Рабочая встреча, а не свидание. Я повторяю это третий раз за утро.

Волков считает людей. Ему хватило тридцати секунд, чтобы заметить подкладку. На семинаре — сорока минут, чтобы разобрать меня на запчасти перед аудиторией. Кофейня — два часа за одним столиком. Два часа, за которые он увидит сумку с перешитой ручкой, телефон прошлогодней модели, чехол с маркетплейса. Сложит. Посчитает. Сделает вывод.

Мне нужно, чтобы он сделал неправильный вывод. Или никакого.

Проверяю отражение. Водолазка скрывает всё — ни швов, ни лейблов, ни вопросов. Чисто. Нейтрально. Девушка, которая оделась просто, потому что суббота. А не потому, что в шкафу больше ничего нет.

Из комнаты — тишина. Мама спит. Вчера я нашла на кухне новую бутылку. Спрятанную за стиральной машиной, в пакете из-под крупы. Она думает, я не проверяю.

Я всегда проверяю.

Выливаю остатки в раковину. Бутылку — в мусорный пакет, пакет — в рюкзак. Выброшу по дороге.

Оставляю на столе тарелку с бутербродами. Накрываю полотенцем. Рядом — стакан воды и записка: «Поешь. Буду вечером».

Выхожу.

В метро проверяю телефон. Кирилл — три сообщения.

«Доброе утро, красавица» «Поехали в Барвиху? Отец дал ключи от дома» «Варь?»

Набираю: «В библиотеке. Проект по экономике. Вечером напишу».

Вру.

Кирилл не обидится. Кирилл вообще редко обижается — ему некогда. Барвиха, ключи от отцовского дома, приглашение на двоих. Красивая картинка. Только я знаю, что ключи он получил не сегодня, а в среду. И что в четверг в этом доме уже побывала Настя Ремизова — я видела её сторис с того самого балкона с видом на сосны. Настя удалила через час. Я успела.

Я молчу. Кирилл молчит. Мы давно перестали выяснять.

Он знает, что моя мать пьёт. Знает, что квартира на окраине, что стипендия и подработки — не карманные деньги, а бюджет на месяц. Он единственный, кому я рассказала, — год назад, на его дне рождения, когда выпила лишний бокал и расплакалась в ванной. Он нашёл меня. Вытер тушь с моих щёк дорогушей салфеткой. Сказал: «Я никому не скажу».

С тех пор мы — союз. Я — его безупречная девушка: красный диплом, староста. Нравлюсь придирчивому отцу — он хочет нормальную девушку для сына, а не бренд вместо имени. Кирилл — мой щит. Фамилия Золотарёва рядом с моей отпугивает любопытных. От девушки с таким парнем держатся подальше. Никто не спрашивает, почему она нико-

гда не приглашает домой.

Убираю телефон. Следующая станция — моя.

Выхожу из метро и иду мимо старых фасадов, мимо антикварных лавок. Кофейня — маленькая, угловая, с зелёным навесом.

Я пришла на полчаса раньше. Выбрала столик у стены. Спинай к залу не сяду — привычка. Заказала латте на овсяном. Разложила тетрадь, ноутбук, ручки. Построила крепость из учебных принадлежностей.

Без пяти двенадцать. Колокольчик на двери звякает.

Волков.

Глава 7

Волков без пиджака. Тёмная футболка, джинсы, кожаная куртка через локоть. Я впервые вижу его без рубашки навыпуск и дорогих часов. Часы на месте — ладно, одна привычка осталась. Но в остальном он выглядит как-то иначе.

Это настораживает сильнее, чем пиджак.

Он замечает меня. Идёт к столику. Садится напротив. Кладёт на стол чёрную папку. Толстую.

— Ты рано, — говорит он.

— Ты вовремя.

— Я всегда вовремя. Люди, которые опаздывают, ценят своё время больше чужого.

Смотрю на папку.

— Это твои данные?

Он открывает. Внутри — распечатки. Таблицы. Графики. Вижу цифры. Объёмы теневого оборота по регионам.

Интересно, они настоящие?

— Откуда это? — спрашиваю я.

— Оттуда.

Поднимаю глаза. Он смотрит. Точнее, сканирует. Ждёт следующего вопроса.

— Проверить можно?

— Нет. Опровергнуть — тоже. Адресов и фамилий там нет. Только суммы и категории.

Пауза.

— Они настоящие, Соколова.

Как будто мысли прочитал.

Я перелистываю. Пальцы замирают на третьем листе. Строительный сектор. Цифры втрое выше официальных оценок.

— Если мы это используем, Антонина Павловна спросит про источник.

— Экспертный опрос.

— Анонимный она без методологии не примет.

— Достанем методологию.

Я поднимаю глаза. Он смотрит. Просто ждёт.

— Ты серьёзно относишься к проекту, — говорю я.

— Ты удивлена.

— Да.

— Почему?

Потому что ты — Волков. Потому что весь факультет считает тебя декорацией, которая числится в списках, пока отец платит за тишину. Потому что я тоже так всегда считала.

— Потому что раньше ты не выглядел заинтересованным.

— А ты хотела бы?

Я на секунду теряюсь.

— Это не имеет отношения к проекту. — Выдыхаю. — Почему ты всегда задаёшь провокационные вопросы?

Пауза.

— Иногда вопрос задают не ради ответа.

— А ради чего?

— Ради реакции. Твоей, например.

Я закрываю папку. Возможно, слишком резко. Кладу руки на обложку.

Официантка приносит ему кофе. Заказал заранее — через приложение, пока шёл. Чёрный, без сахара, без молока. Пьёт. Замечаю костяшки на его правой руке — сбитые, с белёсыми полосками.

Задерживаю взгляд.

Он это чувствует. Ставит чашку. Убирает руку под стол.

Наши взгляды встречаются. Секунда. Вторая. Мы оба это понимаем. И молчим. Это молчание — первое за утро, которое имеет вес.

— Работаем, — говорю я.

Открываю ноутбук. Создаю документ. Набираю заголовок: «Теневая экономика и её влияние на легальный бизнес. Обзор литературы».

Следующие сорок минут мы работаем — по-настоящему. Я печатаю — он диктует структуру. Спорим о классификации теневых секторов. Я настаиваю на модели Шнайдера. Он возражает: Шнайдер не учитывает специфику постсоветских экономик.

Он цитирует исследования. Называет авторов. Один раз ловит меня на ошибке в расчёте — просто касается экрана пальцем и говорит: «Здесь ноль лишний».

Ноль лишний. Исправляю.

К часу дня у нас готов черновик структуры. Двенадцать разделов. Библиография — тридцать два источника. Его данные я выношу в отдельное приложение с пометкой «требует методологического обоснования».

— Неплохо, — говорю я.

— Неплохо — это не результат. Мне нужна пятёрка.

— Тебе?

— Мне.

Я закрываю ноутбук. Смотрю на него. Он допивает второй кофе. Чашка пустая. Левая рука на столе. Правая всё ещё внизу.

— Зачем тебе пятёрка, Волков?

Он крутит ложку в пальцах. Один оборот. Второй. Кладёт на блюдце.

— Пятёрка — часть моих планов, Соколова.

— Каких планов?

Спрашиваю и сразу понимаю: сказала лишнее. Мне не нужны его планы.

Он смотрит на меня. Долго.

— Важных, Соколова.

И всё. Больше ничего. Так мне и надо. Нечего было спрашивать.

Волков встаёт. Берёт куртку. Достает из кармана купюру, кладёт на стол.

— Я за свой кофе заплачу, — говорю я.

Он смотрит.

— Ладно.

Волков не играет в картинку. Или играет — но другую.

Мы выходим. Солнце. Поток прохожих. Я застёгиваю пальто. Он накидывает куртку на плечи.

— Следующая встреча? — спрашиваю.

— Среда. После пар. Место выбери сама.

— Библиотека.

— Серьёзно?

— Там тихо.

— И бесплатный вай-фай?

Уголок его рта дёргается. Почти незаметно. Не реагирую.

— Библиотека, — повторяет он. — Ладно.

Разворачивается. Идёт к перекрёстку. Я смотрю ему в спину. Куртка, джинсы, ровный шаг. Идёт пешком — как все.

Но ходит он не как все. Это я замечаю только сейчас. Шаг мягкий, ровный, он ни на кого не натывается. Прохожие расступаются за метр до него — сами не понимая почему.

Телефон вибрирует. Кирилл.

«Скучаю. Когда освободишься?»

Я набираю ответ: «Часа через два. Устала».

Устала. Правда.

Убираю телефон. Иду к метро. В голове — структура проекта, тридцать два источника, его правая рука, которую он убрал под стол. Сбитые костяшки. Пятёрка.

На эскалаторе достаю тетрадь. Открываю. Под моими за-

писями, под ровными строчками конспекта — его почерк. Аккуратный, мелкий.

Он написал мне номер телефона. Внизу — одна строчка.

«Для проекта. И на случай, если рискнешь узнать, что ещё я заметил».

Я закрываю тетрадь. Убираю в сумку.

Дома — тихо. Мама проснулась. Бутерброды на столе — нетронутые. Полотенце на полу. Зато пустой стакан из-под воды в раковине. Хотя что-то.

Она сидит у телевизора. Канал с сериалами. Халат застёгнут. Волосы собраны. Сегодня — хороший день. Бывают хорошие дни.

— Мам, я поем, тебе разогреть?

— Сама.

Я грею суп. Ставлю две тарелки. Она приходит на кухню. Садится. Ест. Молча.

Я смотрю на неё. Худые запястья. Желтоватые пальцы. Когда-то она красила ногти каждую неделю. Красным. Отец говорил — «мои маяки». Шутка, которую я помню, хотя мне было девять.

— Мам, у меня проект по экономике. Годовой. Если сделаю хорошо — стипендию повысят.

Она кивает. Доедает суп. Встаёт. Уходит к телевизору.

Я мою тарелки. Протираю стол. Сажусь за ноутбук.

Открываю документ. Тридцать два источника. Двенадцать разделов.

И номер Волкова в тетради, который я почему-то не стираю.

Телефон вибрирует. Незнакомый номер.

«Забыл сказать. Ноль на странице 7 — не лишний. Я пересчитал. Ты была права. Волков».

Я перечитываю. Дважды.

Он пересчитал. Пришёл домой — и пересчитал. И написал.

Я сохраняю номер. Подписываю: «Волков. Проект».

Ложусь в постель. Потолок — белый, с трещиной в углу. За стеной — бормотание телевизора.

Среда. Библиотека. Бесплатный вай-фай.

Засыпаю с тетрадью на груди.

Глава 8

Денис

Среда. Библиотека.

Я прихожу за десять минут. Варя Соколова уже на месте — третий этаж, читальный зал, дальний стол у окна. Тот самый, где преподаватели пишут диссертации. Студенты сюда обычно не лезут. Соколова лезет.

Ноутбук открыт. Рядом — две стопки книг. Карандаш в зубах. Волосы собраны. Сегодня на ней водолазка и юбка.

Сажусь напротив. Кладу папку на стол.

Она поднимает глаза. Вынимает карандаш изо рта.

— Привет.

— Привет.

Достаю ноутбук. Открываю. Она смотрит на мои руки. Костяшки. Я их уже не прячу. Бесполезно.

— Структура готова, — говорит она. — Я добавила два раздела.

Поворачивает свой ноутбук. Я читаю заголовки.

Она вытащила мои данные из серой зоны. Легализовала.

— Работает, — говорю я.

— Знаю.

Забирает ноутбук. Начинаю править библиографию. Она печатает. Щёлкает мышью. Тихо.

Пятнадцать минут. Тридцать. Я ловлю себя на мысли, что

это комфортно. Сидеть напротив человека, который не говорит лишнего. Работает. Знает, что делает.

На парковке она была колючей. На семинаре — каменной. В кофейне — настороженной.

Здесь, за библиотечным столом, она просто работает. И я вижу, какая она на самом деле. Быстрая. Точная. Злая в хорошем смысле — в том, в котором злятся на текст, когда он не складывается.

Мне это нравится. Плохо.

— Волков.

Поднимаю глаза.

— Глава третья. Ты написал «долговая нагрузка теневого сектора». Откуда эта формулировка?

— Из практики.

— В научной статье так не пишут.

— Перепиши.

— Я хочу понять. Что ты имел в виду.

Я откидываюсь на спинку. Постукиваю ручкой по столу. Раз. Два. Три.

— Теневой бизнес берёт в долг у легального. Не напрямую. Через прокладки. Серые зарплаты, неучтённые поставки, взаимозачёты. Получается, что легальный сектор субсидирует теневой. Это и есть долговая нагрузка. Только кредитор не знает, что он кредитор.

Она смотрит. Долго.

— Это тянет на отдельную главу.

— Так добавь.

— Мы не успеем. Дедлайн через десять дней.

— Успеем.

Она прикусывает карандаш. Думает.

— Ты уверен в формулировке?

— Да.

— Источник?

Я молчу.

— Волков.

— Я видел это. Изнутри. Источник — я.

Её карандаш замирает.

— Ты сейчас серьёзно предлагаешь вписать себя в библиографию?

— Нет. Я предлагаю написать честную работу. Если Антонина Павловна спросит — скажем, что концепция авторская.

Она смотрит на экран. Потом на меня. Потом снова на экран.

— Хорошо. Добавляю.

Печатает.

Работаем ещё двадцать минут.

Потом у неё вибрирует телефон. Она дёргается. Берёт. Смотрит на экран. Лицо остаётся ровным, но я вижу, как напрягается челюсть.

— Извини. На секунду.

Телефон. Встаёт. Уходит в дальний угол.

Я смотрю ей вслед. Считаваю.

Юбка точно до колена — ни миллиметром выше. Каблук — высокий, но устойчивый. Шаг ровный. Спина напряжена. Ноги — отдельный разговор, но сейчас не об этом.

Хорошая школа. И очень старая привычка держать себя в руках.

Знает, что смотрю. И не хочет, чтобы видел.

Звонок. Кто-то, на кого она реагирует телом. Не Золотарёв. На Золотарёва она так не реагирует. На Золотарёва она вообще не реагирует — я наблюдал.

Жду. Работаю с библиографией. Карандаш — три постукивания.

Она возвращается через семь минут. Садится. Смотрит в ноутбук, будто ничего не было.

Но глаза — покраснели.

— Соколова.

— М?

— Всё в порядке?

— Да.

— Понял.

Возвращаюсь к экрану. Не лезу.

Минута проходит. Две.

— Волков.

— М?

— Давай закончим на сегодня. Я доделаю дома.

— Как скажешь.

Закрываю ноутбук. Складываю бумаги. Она спешит — будто у неё таймер.

Выходим в коридор. Спускаемся по лестнице. Она идёт на полшага впереди. Спина прямая. Сумка — через плечо.

На первом этаже ускоряет шаг. Я иду следом — не догоняю, но и не отстаю.

— Ты меня провожаешь?

Оборачивается у турникетов.

— Иду к выходу.

— Выход к парковке — в другой стороне.

— Сегодня я пешком.

Она смотрит. Не верит. Но спорить не хочет.

Выходим на улицу. Сентябрь закончился вчера. Октябрь — серый, с мелким дождём, который висит в воздухе взвесью. Она застёгивает пальто до горла.

— Пока, — говорит она. — И спасибо.

— Соколова.

— Что?

— Если что-то срочное — я могу подвезти такси.

Пауза. Короткая.

— Спасибо. Не надо.

Она уходит. Каблуки по мокрой плитке. Я стою под козырьком. Смотрю ей в спину, пока она не скрывается за углом.

Достаю телефон. Открываю переписку с Пашей.

«Отмени на сегодня встречу с Мельниковым. Перенеси на

завтра».

Ответ приходит через минуту.

«Волк, ты чё? Он ждёт с утра».

«Перенеси».

«Окей».

Убираю телефон.

Иду к своей машине. Это неправда, что я пешком. Сажусь.
Завожу мотор. Не еду.

Сижу пять минут. Потом десять.

У Соколовой что-то дома. Что-то, от чего она вышла из
зала и вернулась с красными глазами. Что-то, о чём она не
говорит Золотарёву, подруге и никому.

Меня это не касается.

Я повторяю это про себя.

Меня это не касается. Проект, пятёрка, диплом, Алиса,
спор. Соколова — инструмент.

Включаю передачу. Выезжаю с парковки.

На светофоре достаю телефон. Пишу ей.

«Если нужна будет помощь — напиши. Не только по про-
екту».

Отправляю.

Удалить.

Слишком поздно.

Загорается зелёный. Еду.

Варя

В метро — давка. Стою у двери, держусь за поручень. Телефон в руке. Экран светится.

Сообщение от Волкова.

«Если нужна будет помощь — напиши. Не только по проекту».

Читаю. Перечитываю. Убираю телефон в карман. Достаяю через секунду. Перечитываю ещё раз.

Не отвечаю.

Что я напишу? «Спасибо, Волков, у меня мама снова пьёт, сегодня соседка позвонила и сказала, что слышит крик из нашей квартиры, поэтому я бегу домой вместо того, чтобы доделать проект»? Или «Спасибо, Волков, не надо, у меня всё нормально»?

Оба варианта — катастрофа.

Первый — правда.

Второй — ложь.

Не отвечаю.

Выхожу на своей станции. Иду к дому быстрым шагом. Дождь усилился. Зонт не раскрываю — некогда. Волосы намокают. Тушь, наверное, потекла. Плевать.

У подъезда — соседка. Тётя Люда с пятого этажа. Курит под козырьком.

— Варь, ты извини, что позвонила. Но там прям крик был. Я уже хотела полицию.

— Спасибо, тёть Люд. Я разберусь.

— Может, скорую?

— Не надо. Всё хорошо.

Она смотрит на меня. Жалость в глазах — я её ненавижу. Ненавижу больше, чем собственную жизнь в её худшие дни.

— Варь. — Тётя Люда гасит сигарету. — Ты девочка хорошая. Но это не дело. Ты одна не вытянешь.

— Я вытягиваю, тётъ Люд.

Захожу в подъезд. Поднимаюсь пешком — надо сбросить энергию.

Дверь в квартиру приоткрыта.

Замираю на пороге. Сумка в руках — сжимаю ремень до белых костяшек.

Захожу.

В коридоре — мама. Сидит на полу, прислонившись к стене. Халат распахнут. На лбу — ссадина. Кровь засохла, тонкая дорожка к виску.

— Мам.

Она поднимает глаза. Мутные.

— Варька. Я упала.

— Вижу.

Кладу сумку. Снимаю пальто. Вешаю. Всё по порядку, по порядку, по порядку — иначе я сейчас сорвусь и начну кричать, а кричать нельзя, соседи услышат.

Иду на кухню. Наливаю воды в стакан. Достаю аптечку из шкафчика — у меня всегда собрана, антисептик, вата, бинт, пластырь.

Возвращаюсь. Сажусь рядом с ней на пол. Протираю сса-

дину. Она шипит.

— Больно.

— Терпи.

Клею пластырь. Помогаю ей встать. Веду в комнату. Укладываю на кровать и укрываю пледом.

— Мам, ты падала где?

— На кухне. Об стол.

— Пила?

— Немного.

Иду в ванную. За стиральной машиной — пустая бутылка. Ещё одна. В мусорном ведре на кухне — третья. За эти пять дней, которые я была слишком занята.

Пять дней.

Сажусь на пол кухни. Прислоняюсь спиной к шкафчику. Колени подтягиваю к груди.

Плакать нельзя. Если заплачу — не встану. Не встану — не приготовлю ужин. Не приготовлю ужин — мама проснётся и снова пойдёт искать бутылку. Цепочка. Я знаю её наизусть.

Достаю телефон. Экран светится. Сообщение Волкова всё ещё открыто.

«Если нужна будет помощь — напиши. Не только по проекту».

Палец висит над клавиатурой.

Нет.

Нет, нет, нет.

Волков — последний человек, которому я могу это написать. Он сын криминального авторитета. Выбивает долги из людей, используя их секреты. Он и так знает обо мне слишком много — оружие, которое он пустит в ход, когда я стану ему неудобна.

Убираю телефон.

Встаю. Мою руки. Ставлю воду на плиту. Достаю гречку. Курицу. Нарезаю лук.

Руки двигаются сами. Я смотрю на них со стороны. Чужие руки.

Телефон вибрирует снова.

Кирилл.

«Варь, ты где?».

«Дома. Плохо себя чувствую».

«Приехать?»

«Не надо. Спи. Завтра увидимся».

Он присылает сердечко. Я не ставлю лайк. Нет сил.

Мама заходит на кухню. Халат запахнут. Волосы пригладила.

— Варька. Прости.

Я не оборачиваюсь. Режу лук. Щиплет глаза. Удобно — если потекут слёзы, можно списать.

— Мам, садись. Сейчас будет ужин.

— Ты злишься.

— Я устала.

— Я завтра не буду.

Завтра. Слово, которое я слышу с тех пор, как умер отец и мама нашла утешение на дне стакана.

Я ставлю перед ней тарелку. Сажусь напротив. Мы едим молча. Она почти не ест — ковыряет вилкой. Я доедаю до конца, потому что нельзя выбрасывать еду, которую я купила на последние.

После ужина снова укладываю её спать. Мою посуду. Протираю пол в коридоре — там, где она сидела. Ищу по углам бутылки — нахожу ещё одну, в сапоге в прихожей.

Выливаю. Выбрасываю.

Надеюсь, что смогу поспать этой ночью.

В час открываю ноутбук. Проект. Методология. Раздел, который Волков предложил сегодня.

Читаю свои записи. Читаю его формулировки. У него мозг работает так, как я хотела бы, чтобы работал мой. Он видит систему. Я вижу детали. Вместе — получается.

Я открываю переписку. Сообщение Волкова висит без ответа. Открываю.

«Если нужна будет помощь — напиши. Не только по проекту».

Читаю в который раз.

Печатаю.

«Спасибо. Всё в порядке».

Стираю.

Печатаю.

«Почему ты это написал?»

Стираю.

Печатаю.

«Спасибо».

Просто «спасибо». Одно слово, которое ничего не обещает.

Отправляю.

Секунда. Две. Три.

Приходит ответ.

«Пожалуйста».

Такое же короткое слово, как моё. Без смайлов, без вопросов, без продолжения.

Закрываю приложение. Ставлю телефон на зарядку. Закрываю ноутбук.

Иду в ванную. Смываю тушь — она действительно потекла. Смотрю на себя в зеркало. Лицо чужое. Серое. Синяки под глазами я замазывала утром — тональник стёрся.

В коридоре — тишина. Мама спит.

Выключаю свет. Ложусь в постель.

Лежу с открытыми глазами.

Волков написал: «Не только по проекту».

Он заметил. Заметил, что что-то не так — и не полез с вопросами. Просто оставил дверь приоткрытой.

Опасно.

Прямой вопрос я умею отбивать. Тренировалась годами.

А приоткрытая дверь — это надежда.

Надеяться я не хочу.

Я закрываю глаза.

Остальное — завтра.

Засыпаю под утро.

Утро — на автомате. Душ, тон, водолазка.

Телефон молчит. Волков больше не писал.

Перемена между второй и третьей парой. Двадцать минут.

Я успеваю зайти в туалет на втором этаже — тот, который дальше от аудитории. Рядом с ним — только кафедра статистики и кладовая уборщиц. Никто не ходит.

Именно поэтому я туда и хожу.

Толкаю дверь. Плитка — серая, швы тёмные от старости.

Три кабинки, два умывальника, большое зеркало с трещиной в углу. Пахнет дешёвым освежителем — лимон с химией.

Ставлю сумку на подоконник. Мою руки. Смотрю в зеркало.

Синяки под глазами проступили сквозь тон. Ночь была плохая. Мама трижды вставала — я слышала через стенку. Утром нашла её у холодильника. Стояла и плакала. Я ничего не спрашивала. Заварила чай. Посадила. Ушла на пары.

Достаю тональник. Добавляю слой. Растушёвываю пальцем — спонжик остался дома.

Дверь открывается.

Карина.

Одна. Без подруги в куртке. Одна — это хуже.

Она делает три шага. Останавливается у соседнего умывальника. Достает помаду. Не смотрит на меня в зеркале. Смотрит прямо — через стекло, в глаза.

— Ты на него запала.

Я открываю рот. Закрываю.

Карина улыбается.

Глава 9

Поворачиваюсь к ней.

— Что, прости?

Карина закручивает колпачок помады. Поворачивается ко мне всем корпусом. Каблук царапает плитку.

— Оглохла? На Дениса.

Убираю тональник в косметичку.

— У нас проект, Карина. Антонина Павловна формирует пары. Что-то ещё?

— Проект. — Она усмехается. — Удобно.

— Для меня — да.

Она делает шаг. Я остаюсь на месте. Отступать — значит показать, что боюсь. Немного боюсь, конечно. Но показывать — другое.

— Я тебя предупреждала, помнишь?

— Слышала.

— И вчера ты полезла с ним в библиотеку.

Значит, за мной следят.

Я фиксирую это. Запоминаю.

— И мы хорошо поработали. Промежуточный отчёт через десять дней. Если тебе интересны подробности — приходи на семинар.

— Не строй из себя умную.

— Я такая и есть.

Она прикусывает нижнюю губу. У Карины всегда идеальная помада, но сейчас на зубах остаётся тонкий красный след. Она это не замечает. Я — замечаю. И молчу.

— Смотри, отличница. — Голос становится ниже. — Ты думаешь, что с ним можно сойтись «по проекту». Чистенько посидеть в библиотечке, графики порисовать. Забудь. Денис уже занят.

— Кем?

— Мной.

— Интересно. Он в курсе?

Молчание. Она моргает. Значит, нет. Значит, Карина встречается с Денисом Волковым только в собственной голове.

Мне смешно. Но лицо держу.

— Ты вообще охренела, Соколова?

— Карина, мне на пару через десять минут. Что-то ещё?

Она шагает ближе. Теперь между нами — тридцать сантиметров. Я слышу, как она дышит — коротко, через нос. От неё пахнет сладкими духами и кофе.

— Значит, слушай сюда. — Она тянет слова. — Ты на него не тянешь, Соколова. Поиграется и выкинет. А я на это посмотрю с попкорном. Лучше отвали сразу. Тебе же мягче будет.

— Спасибо за заботу.

— Это не забота.

— Я заметила.

Она стоит. Ждёт, что я буду оправдываться. У меня нет на это ресурса.

— Ты закончила?

Моргает.

— Что?

— Ты закончила? Я спрашиваю, потому что через восемь минут у меня пара. Антонина Павловна опозданий не любит, ты в курсе.

— Ты меня не слышишь?

— Слышу. Ты не хочешь, чтобы я работала с Волковым. Я — работаю. У нас проект. Это не обсуждается. Если у тебя есть претензии — иди к Антонине Павловне. Её кабинет на третьем этаже. Табличка слева от двери.

Карина делает шаг. Ещё ближе. Её плечо почти касается моего.

— Ты совсем дура?

— Карина. Отойди.

Она не отходит. Я поднимаю подбородок. Смотрю ей в глаза. Карина выше меня — на каблуках она всегда выше, — но сейчас мне всё равно.

— Ты мне угрожаешь? — спрашивает она.

— Я прошу отойти. Ты стоишь слишком близко.

Секунда. Две.

Она отходит на полшага.

— Соколова. — Голос уже другой — тише, злее. — Ты думаешь, что выиграла?

— Я ничего не думаю. Я иду на пару.

Разворачиваюсь к двери.

— Он тебя не спасёт, — говорит Карина в спину. — Он никого не спасает. Запомни.

Я останавливаюсь у двери. Не оборачиваюсь.

— Мне не нужно, чтобы меня кто-то спасал.

Открываю дверь. Выхожу в коридор.

Иду. Каблуки стучат по плитке в правильном ритме. Спина прямая, подбородок — ровно. Руку в карман пальто не кладу, хотя очень хочется — в кармане мятый платок, я бы сжала его в кулаке.

В коридоре — поток. Первокурсницы у расписания. Парень с колонкой. Кто-то ест булку на ходу и роняет крошки. Обычное утро. Никто не знает, что в туалете на втором этаже только что Карина Савельева пыталась меня сломать, а я не сломалась.

Никто не знает. И это хорошо.

У аудитории триста двенадцатой ловлю своё отражение в стекле двери. Лицо ровное. Синяки под глазами проступили сквозь тон.

Захожу в аудиторию.

Волков уже на месте. Четвёртый стол, средний ряд. Ноутбук открыт, пальцы на клавиатуре. Он поднимает голову.

Одна секунда.

Я вижу, как его взгляд останавливается на моём лице. Короче, чем нужно для вежливости. Дольше, чем нужно для

равнодушия.

Сажусь. Достая тетрадь. Открываю. Выравниваю ручку параллельно краю.

— Привет, — говорю я.

— Привет.

Он пододвигает ко мне распечатку.

— Посмотри методологию. Я переделал вторую часть.

Беру листы. Читаю. Буквы сначала плывут — я моргаю дважды, пока они встают на место.

Методология действительно переделана. Чище. Логичнее. Он убрал мою хаотичную нарезку по секторам и выстроил через уровни — макро, мезо, микро. Работает лучше. Мне бы злиться, что он переделал без меня. Я не злюсь.

— Хорошо, — говорю. — Оставляем.

— Оставляем.

Он постукивает ручкой по столу. Раз. Два. Три.

Поднимаю голову. Он смотрит в свой ноутбук, но костяшки на правой руке напряжены. Пальцы белые.

— Что такое, Волков?

Не сразу отвечает.

— Ничего.

— Понятно, — говорю я его же интонацией.

Уголок его рта дёргается. Почти улыбка. Почти.

Антонина Павловна входит в аудиторию. Портфель. Очки. Взгляд-рентген.

— Доброе утро. Сегодня — обсуждение промежуточных

результатов. По парам. Десять минут на подготовку, пять — на презентацию.

Шум. Студенты достают ноутбуки.

Волков поворачивает экран ко мне.

— Что берём?

— Концепцию. Твою. Про долговую нагрузку.

— Уверена?

— Это сильнее всего.

Он смотрит на меня секунду. Потом кивает.

Следующие десять минут мы работаем. Я печатаю. Он диктует. Он предлагает — я срезаю лишнее. Я формулирую — он находит дырку в логике. За десять минут готова пяти-минутная презентация, которую не стыдно показать.

Я ловлю себя на мысли: мне нравится с ним работать.

Это плохо.

— Соколова — Волков. Прошу.

Я встаю. Беру распечатку. Волков встаёт рядом. Мы выходим к доске.

Я начинаю. Голос ровный — я умею говорить перед аудиторией с первого курса. Антонина Павловна слушает. Записывает что-то в блокнот.

Потом — Волков. Я отхожу к краю доски.

И впервые слушаю, как он говорит на семинаре.

Он не рисуется. Не бросается терминами. Говорит коротко, чётко.

Смотрю на Антонину Павловну. Она перестаёт записы-

вать. Просто слушает.

Это редкий знак. Очень редкий.

Волков заканчивает. Тишина. Потом Антонина Павловна снимает очки.

— Волков. Где вы взяли концепцию долговой нагрузки теневого сектора?

Пауза.

— Авторская, Антонина Павловна.

— Ваша?

— Наша. С Соколовой.

Я держу лицо. Концепция — его. Но он говорит «наша», и я киваю — потому что в парной работе так полагается.

Антонина Павловна смотрит на меня. Потом на него. Потом снова на меня.

— Садитесь.

Мы садимся. Я выдыхаю. Волков не смотрит на меня. Но я чувствую, как у него под столом напряжены пальцы.

Семинар идёт дальше. Другие пары — Золотарёв с Карповой, Бирюкова с Дементьевым. Я слушаю вполуха. Смотрю в тетрадь. На полях — мой мелкий почерк, список дел на вечер. Хлеб. Таблетки для мамы. Проверить лампочку в прихожей.

Рядом с моим списком — его рука. Тонкий порез у основания большого пальца. Свежий. Вчера не было.

Отвожу глаза.

После пары Антонина Павловна подзывает нас к столу.

Мы подходим.

— Работа достойная. Концепция интересная. Методология грамотная. Продолжайте.

— Спасибо.

Волков молчит.

— Но, Волков. — Она смотрит на него поверх очков. — Если ваша «авторская концепция» основана на источниках, которые вы не можете показать, — это не концепция. Это беллетристика. Найдите способ её подтвердить. Иначе на защите я этот раздел зарублю.

— Найду.

— Найдите.

Она открывает блокнот. Ставит галочки. Мы уходим.

В коридоре Волков молчит. Идёт рядом. Не рядом-рядом — полшага от меня, его обычная дистанция.

— Волков.

— М?

— У тебя есть, чем это подтвердить?

Пауза. Долгая.

— Есть.

— Законное?

— Такого в этой теме не бывает.

Я останавливаюсь. Он останавливается тоже.

— Значит, нет.

— Значит, будет.

Мы стоим посреди коридора. Студенты обтекают нас со

всех сторон.

Я молчу. Не знаю, что ещё сказать.

Он поправляет лямку сумки через плечо.

— Что было утром?

Вопрос неожиданный.

— Ничего.

— Соколова.

— Ничего, Волков.

Он смотрит. Не уходит. И я вижу по его лицу — он уже всё знает. Ему не нужен мой ответ, ему нужно, чтобы я его дала.

— Карина. Что она говорила?

— Что я на тебя запала. Что ты со мной поиграешься и вернёшься к ней. Стандартный набор.

На его челюсти дёргается мышца.

— К ней, — повторяет он.

— К ней.

Пауза.

— У меня с Савельевой ничего нет.

Я пожимаю плечами.

— Меня это мало интересует.

— Врёшь, — говорит он ровно. — Но пусть.

Я открываю рот. Закрываю. Смотрю на него. Он — на меня. В коридоре слишком светло.

Опускаю глаза первой.

— Я пойду.

Разворачиваюсь и делаю шаг в сторону лестницы.

— Соколова.

Оборачиваюсь.

— Она к тебе больше не полезет.

Он наклоняет голову. Чуть-чуть. Я впервые вижу его так близко при свете коридорных ламп. Шрам на скуле — тонкий, старый. Янтарная точка у правого зрачка.

— Я с ней разберусь сама.

— Разберёшься. Но она не полезет.

— Хорошо, — говорю я.

Я ему не верю. Но это уже другой разговор.

— До завтра, Волков.

— До завтра.

Разворачиваюсь. Иду по коридору.

Соня появляется сбоку, как из воздуха.

— Варь.

— М?

— Он только что с тобой разговаривал.

— Да.

— По-настоящему.

Я поворачиваюсь к ней.

— Соня. Пожалуйста. Не сейчас.

Она смотрит на меня. Молча. Потом кивает.

— Ладно. Кофе?

— Кофе.

Мы идём к автомату. По дороге я достаю телефон. Открываю переписку с Кириллом. Последнее сообщение от него —

вчера вечером, сердечко. Я так и не поставила лайк.

Закрываю переписку. Не отвечаю.

Соня косится на меня. Я убираю телефон в карман.

— Соня.

— Да?

— Если я когда-нибудь попрошу у тебя помощь — ты удивишься?

Она думает. Долго. Пока мы доходим до автомата.

— Если подумать — да. А сейчас, когда ты спрашиваешь, — я пугаюсь.

— Не пугайся.

— Уже поздно.

Она нажимает кнопку. Автомат хрипит. Смотрю на стаканчик — как он наполняется, как белая пена поднимается над краем. Кофе — это то, чем я умею наслаждаться, когда всё остальное трещит по швам.

Мы идём к выходу.

Соня косится на меня. Что-то у неё на языке — но она не решается спросить.

Выходим на улицу. Дождь закончился. Асфальт блестит. Небо серое, низкое.

Соня берёт меня под руку.

— Варь. Ты мне потом расскажешь? Про Волкова.

— Нечего рассказывать.

— Ну Варь.

— Когда-нибудь.

— Это значит — нет.

— Это значит — когда-нибудь.

Идём к её машине. Я думаю о Волкове. О том, как много он обо мне знает, даже без моей помощи. Сама бы я не рассказала.

Я знаю, как это работает. Сначала ты отдаёшь один кусок. Потом второй. Потом третий. А потом отдавать уже нечего, и ты стоишь голая перед человеком, у которого в руках — вся твоя жизнь.

Но впервые за долгое время рядом есть человек, который видит и не требует объяснений.

От этого в груди теплеет.

Плохо.

Мне это не нужно. Мне это нельзя.

Глава 10

Денис

Ночь. Кабинет отца. Кожаное кресло. Запах сигар и коньяка. Картина на стене — какой-то лес, купленный на аукционе за такие деньги, которые отец никогда бы не заработал легально.

Я стою. Он сидит. Так у нас заведено.

Отец смотрит, как я двигаюсь. Оценивает. Ищет трещины.

Я научился скрывать.

— Чесноков заплатил с процентом.

— Я в курсе.

Он кивает. Разливает коньяк. Две рюмки. Одну пододвигает ко мне. Я не пью на встречах с отцом — никогда. Он это знает. Но рюмку ставит каждый раз.

— Не будешь?

— За рулём.

— Ты за рулём всегда.

— Значит, не буду всегда.

Он ухмыляется. Одними губами. Глаза остаются такими же — мёртвыми, как у рыбы на прилавке.

— Есть разговор, Денис.

Я не реагирую. Разговор — это когда отец хочет что-то от меня. Что именно, он скажет через пять минут. Сначала

будет ритуал: коньяк, тишина, взгляд, пауза. Он считает, что это давит. На меня — давно нет. Но показывать ему, что нет, — лишнее.

Жду.

— На следующей неделе — встреча. Веденеев, Холодов, я. И ты.

Я фиксирую фамилии. Веденеев — банк. Холодов — строительство. Отец давно хочет с ними сесть за один стол. Это легализация — тот этап, на который отец шёл десять лет. Выход из тени в свет. Рукопожатия, подписи, долевое участие.

— Зачем я?

— Затем, что наследник должен быть в кадре.

Наследник. Слово, которое отец произносит с удовольствием — как будто нажимает на нужную кнопку.

Я — не наследник. Я — заложник. Разница в том, что наследник получает, а заложник отрабатывает. Но вслух этого не говорят.

— Понял.

— Костюм свой возьми.

— Возьму.

Он кивает. Отпивает коньяк. Ставит рюмку.

— И ещё, Денис.

Пауза.

— Алиса.

У меня не дёргается ни одна мышца. Это я умею.

— Что с ней?

— Ничего. Пока. — Он крутит рюмку за ножку. — Просто напоминаю. Ей восемнадцать через пять месяцев.

— Через пять месяцев и восемнадцать дней.

Он усмехается.

— Считаешь.

— Считаю.

— Рашидов спрашивал про неё. На прошлой неделе.

Я молчу. Если я сейчас что-то скажу — он поймёт, что задел. А этого нельзя.

Отец смотрит. Ждёт. Ему нужна реакция. Пауза. Вдох. Жест.

Я смотрю ему в глаза. Не моргаю.

— Он может ещё подождать пять месяцев, — говорит отец. — Если я попрошу.

— Попроси.

Он смотрит. Долго.

Потом — отворачивается. Тянется за сигарой. Закуривает. Дым ползёт к потолку.

— Иди, — говорит он. — Работай.

Иду к двери.

— Денис.

Останавливаюсь. Не оборачиваюсь.

— Девочка эта в универе. Староста вроде.

У меня холодеет позвоночник.

Я оборачиваюсь.

— Что с ней?

— Ничего. — Он затягивается. — Мне доложили, что вы работаете над проектом. Наблюдал кое-кто.

«Кое-кто» — это его человек на факультете. У отца везде люди. Я это знал. Но не знал, что они смотрят так близко.

— Антонина поставила нас вместе.

— Девочка хороша?

— Работает нормально.

— Не про работу.

Я не отвечаю.

Отец усмехается. Стряхивает пепел.

— Понял. Ладно. Просто имей в виду — если согласишься не туда, у Рашидова добавится ещё одна причина торопиться. Ты меня знаешь.

— Знаю.

— Вот и хорошо.

Выхожу. Коридор. Охрана у двери — Семёныч, ветеран с двумя ходками, кивает мне. Я киваю в ответ. Спускаюсь по лестнице. На парковке — моя машина. Сажусь. Завожу мотор.

Не еду.

Сижу. Руки на руле. Смотрю в лобовое стекло.

Отец знает про Соколову.

Он заранее объяснил мне правила: Соколова — точка, через которую можно ускорить ситуацию с Алисой. Рашидов ждёт. Отец может его попросить или не попросить. А может

и попросить наоборот — торопиться.

Я выезжаю. Еду в город. На светофоре достаю телефон. Переписка с Соколовой — последнее сообщение — две недели назад. Она с тех пор не писала. Я — тоже.

Убираю телефон.

Правильный ход — отойти. Дистанция. Проект — через библиотеку. Встречи — минимум. В коридоре — мимо, не останавливаясь.

Но спор?

Отступлю — Пашка проболтается отцу о гараже. Пашка. С ним тоже пора закругляться. Также мне, друг.

Подумаю об этом ночью.

Я сворачиваю на МКАД. Еду к промзоне. Гараж — в пятнадцати минутах.

Въезжаю в ворота. Света нет — я не включаю общий, только одинокую лампу над верстаком. Урал стоит разобранный. Карбюратор на тряпке, рядом — гаечный ключ, который я не убрал в прошлый раз.

Снимаю куртку. Вешаю на крюк. Закатываю рукава.

Работаю.

Час. Два. Кручу гайку, которая приржавела. Отмачиваю керосином. Подстукиваю молотком. Гайка не идёт. Я нагреваю её паяльной лампой. Ещё раз ключом. Идёт.

Руки работают. Голова — тоже. Но иначе, чем перед отцом.

Варя Соколова.

Я ведь знал, что не стоит. Знал с самого начала.

Гаечный ключ срывается. Костяшки — в железо. Кровь. Сразу две линии — указательный и средний. Я вытираю руку о тряпку. Кровь проступает снова.

Плевать.

Телефон. Паша.

«Волк, где ты? Покатаемся?»

Я стираю его сообщение, не читая до конца.

Открываю другой чат. Алиса.

«Как ты?»

Ответ через минуту.

«Спать ложусь. Хорошо. Дэн, а ты?»

Смотрю на экран. У Алисы под «хорошо» всегда лежит что-то ещё. Наш код. «Хорошо» без уточнений — день прошёл без отца. «Хорошо, но» — проблема. Сейчас — «хорошо. Дэн, а ты». Тревога за меня, а не за себя.

Она чувствует. Она всегда чувствует.

«Нормально. Завтра заеду».

«Жду».

Убираю телефон.

Сажусь на верстак. Смотрю на Урал. На свои руки в масле. На стену, где висят инструменты — каждый на своём крючке, потому что я люблю порядок в своём единственном углу.

Отец сегодня сказал: «имей в виду». Значит, я уже выдал себя. Не ему — его человеку на факультете. Каким-то жестом. Может, когда я сел рядом с ней на семинаре. Может,

тем, как смотрел ей вслед в коридоре.

Я читаю людей, но не читаю себя.

Завтра на парах сажусь через ряд.

Это — правильный ход.

Опускаю ключ. Сажусь на бетонный пол. Прислоняюсь спиной к Уралу. Холодный металл через футболку.

Каждый вариант плох.

Пока не знаю, что делать.

Не знаю.

Это новое чувство.

Я закрываю глаза. Секунду.

Потом встаю. Беру тряпку. Вытираю руки. Накидываю куртку поверх футболки. Выключаю свет над верстаком.

Выхожу. Закрываю гараж. Ключи — в карман.

Сажусь в машину. Еду домой.

Семинар по экономике.

Прихожу за две минуты до начала.

Соколова на четвёртом ряду. Ноутбук открыт. Волосы собраны. Она поднимает голову, когда я вхожу. Короткий взгляд. Киваю. Сажусь на шестой. Один.

Она замечает. Вижу по тому, как быстро опускает глаза в ноутбук. Быстрее, чем надо.

Антонина Павловна входит. Начинает. Я слушаю. Записываю.

Телефон вибрирует. Под партой смотрю экран. Пашка:

«Жду, когда ты продумаешь».

Кладу телефон экраном вниз.

На перемене сижу.

Соколова проходит мимо моего стола — к двери. Я смотрю в тетрадь.

Правильный ход.

За секунду до следующей пары в голову приходит другая мысль. Если выиграю спор по-тихому, Пашка отстанет. Никто ничего не узнает. А с Соколовой у нас всё равно проект.

Стул рядом с ней — пустой.

Хватаю сумку. Пересаживаюсь.

Глава 11

Денис

Паша на заднем ряду скалится — спиной чувствую. Не оборачиваюсь.

Это ради гаража. Других причин нет.

Соколова поворачивает голову. Подбородок ровно. Смотрит в упор.

Открываю ноутбук.

— Проект движется, — говорю в экран.

Стучу по клавишам для вида. Лекция идёт мимо.

Думаю о ней. Сам не знаю — почему.

Варя Соколова — оголённый провод.

Шея — тонкая. У виска выбивается прядь.

На секунду думаю, какая она на ощупь.

Отвожу взгляд. Возвращаю. Идиот.

Ровный почерк, которым она ведёт конспект. Левая рука придерживает страницу — пальцы тонкие, без колец. Прямая спина. Подбородок опущен ровно настолько, чтобы писать.

Сидит так, будто её этому учили. Может, и учили.

А внутри у неё — то, о чём я не должен знать. И не узнаю, если у меня есть хоть капля мозга.

Такие, как я, к таким, как она, не подходят ближе, чем на длину вытянутой руки. Я знаю правило. Она беззащитна

перед моим миром. Это знаю тоже.

Но сижу впритык.

Хочется сказать ей вслух, что она нужна мне только ради гаража. Сказать так, чтобы она поверила. Чтобы я сам поверил.

— Соколова.

— М?

— Нам надо меньше пересекаться. Так правильнее.

Пальцы висят над клавишами.

Секунда.

Она поворачивается.

— «Правильнее».

— Да.

— Для кого, Волков?

Молчу.

— Уточняю, — говорит ровно. — Вариантов три. Первый: правильное для проекта. Нелогично — рядом мы быстрее всё сделаем. Второй: правильное для тебя. Тогда я при чём. Делай, что хочешь. Третий: правильное для меня. И вот здесь мне интересно — с какого момента ты решаешь за меня, что мне правильное.

Смотрю в её конспект. Идеальный почерк. Заголовок выделен жирным.

— Третий.

Она смотрит на меня секунду.

— Спасибо за заботу.

Разворачивается к экрану.

— Соколова. — Она печатает. — Ты злишься.

— Я работаю.

Антонина Павловна на доске пишет уравнение. Я смотрю мимо доски. На профиль Вари Соколовой. На то, как у неё дёргается мышца у виска, когда она сжимает зубы.

Я задел её. Не хотел.

Не хочу, чтобы она злилась. Плохо, что не хочу.

Не отвожу взгляд.

Лекция заканчивается.

Соколова закрывает ноутбук. Встаёт. Сумку — через плечо.

Уходит. Каблуки по ступеням. Спина прямая. Не оборачивается.

Паша падает на её место. Жуёт жвачку.

— Волк, ты чего? То в лес, то по дрова.

Смотрю на него.

— Кофе будешь?

— Буду.

Идём к автомату. Купюра. Кнопка.

Думаю не о Паше.

Пятница. Дождь.

Отец присылает адрес. «Депо», девятнадцать тридцать. Костюм, галстук.

Я в курсе — Веденеев и Холодов уже подтвердили.

Одеваюсь по протоколу. Чёрная двойка. Белая сорочка. Запонки. Часы — подарок отца на восемнадцать.

Кольцо матери остаётся в сейфе. О нём знает только Алиса. Отдам ей. Пусть носит.

Только сажусь в машину — она звонит.

— Дэн.

— Что?

— Я могу к тебе завтра?

— Что случилось?

— Ничего. Просто... он сегодня громко.

«Громко» — наш код. Отец не кричит. Он давит.

— Утром заеду. Не спорь.

— Не спорю.

Кладу трубку. Пальцы на руле белеют.

Парковщик забирает ключи.

«Депо» — стекло, латунь, низкий свет. Прохожу в зал.

Веденеев и Холодов уже за столом. Отец поднимает руку — короткий жест, для своих.

Иду между столиками. Лицо — маска. Я умею.

Боковым зрением — у дальнего окна — знакомый профиль.

Кирилл Золотарёв.

Я останавливаюсь. На полсекунды. Потом иду дальше.

Но я успеваю снять кадр.

Кирилл — не один. Напротив него блондинка. Бокал красного, перстень на безымянном. Она смеётся, запроки-

нув голову. Кирилл наклоняется. Накрывает её ладонь своей. Поверх перстня. Так не накрывают руку однокурснице, с которой обсуждают курсовую.

Я фиксирую. Сажусь к отцу.

— Знакомься. Сын.

— Денис, — говорит Веденеев. Протягивает руку. — Наслышан. Молодой, цепкий.

— Стараюсь.

Холодов кивает. Не встаёт. Это иерархия — он старше отца на десять лет и дольше в этом бизнесе.

Меню. Буквы плывут.

Думаю о том, что Золотарёв здесь, а Соколова не знает.

Закрываю меню.

— Мне как всем.

— За сотрудничество, — произносит Веденеев.

— За сотрудничество, — отвечает отец.

— За сотрудничество, — повторяю я.

Чокаемся. Звон хрусталя — короткий, сухой.

Отец смотрит на меня поверх бокала. Доли секунды. Я выдерживаю.

Дальше — разговор о долевом участии, о складских комплексах в Подмоскovie, о том, кто из чиновников «адекватен». Я слушаю. Вставляю реплики там, где надо. Веденеев задаёт мне вопрос про юридическую структуру — отвечаю. Холодов одобрительно хмыкает.

Работаю на автомате.

В голове — кадр у окна. Рука Кирилла поверх руки блондинки.

Отец рассказывает Холодову анекдот. Холодов смеётся. Веденеев улыбается ровно настолько, насколько положено. Я улыбаюсь так же.

Десерт. Кофе. Счёт берёт отец — это его жест, демонстрация.

Прощаемся в гардеробе. Веденеев жмёт мне руку второй раз — длиннее, чем в начале вечера.

— Денис. Если что — звоните.

— Спасибо.

Отец рядом. Доволен. Я считываю это по тому, как у него опущены плечи — на сантиметр ниже обычного.

— Молодец, — говорит он мне у машины. — Веденеев тебя оценил.

Выезжаю. На светофоре достаю телефон.

Загорается зелёный.

Я не еду.

Сзади сигналият. Трогаюсь.

Думаю.

Сказать ей — значит влезть в её дела. Это будет выглядеть, как будто я ищу повод.

Не сказать — значит оставить её в этом дальше.

Третий вариант — через Соню. Передать так, чтобы шло не от меня. Соня ей скажет.

Этот вариант — правильный.

Сворачиваю на МКАД. До гаража пятнадцать минут.

Въезжаю. Свет — только над верстаком. Урал стоит, как стоял. Карбюратор на тряпке.

Снимаю пиджак. Вешаю на крюк — поверх рабочей куртки. Закатываю рукава белой сорочки. Запонки кладу в карман брюк.

Беру ключ.

Работаю.

Гайка. Та же, что вчера. Идёт легче — керосин сделал работу.

Думаю о Варе Соколовой.

Гаечный ключ срывается. Костяшки — в кровь.

Вытираю руку о тряпку. Кровь проступает снова. Плевать.

Достаю телефон. Открываю чат с Алисой.

«Утром заеду в восемь».

«Хорошо. Дэн, ты как?»

Смотрю на экран.

«Хорошо»

«Дэн».

«Что?»

«Ты врёшь».

Я усмехаюсь. Сестра — единственный человек, перед которым я не умею держать маску. Тренировался годами и не научился.

«Завтра поговорим».

«Жду».

Убираю телефон.

Сажусь на бетон. Спина — к Уралу. Холодный металл
сквозь сорочку. Хорошо.

Снова беру телефон. Открываю переписку с Соколовой.
Палец над клавиатурой.

Печатаю.

«Нам надо поговорить».

Стираю.

«Кирилл тебе изменяет».

Стираю.

«Прости за сегодня».

Стираю.

Кладу телефон экраном вниз.

Схожу с ума.

Глава 12

Варя

Мы снова в библиотеке. Наш стол — у окна.

Дождь стучит по стеклу.

Я пришла за пятнадцать минут до него. На столе — ноутбук, тетрадь, три ручки, маркеры. Между мной и пустым стулом напротив — стопка распечаток.

Стопка — крепость. Я строю крепости из бумаги с тех пор, как впервые села напротив Волкова.

Без двух минут — он входит. Куртка через локоть. Под ней — серый свитер с высоким горлом. Свитер дорогой. Я вижу по тому, как он сидит на плечах — точно, без единой лишней складки.

Волков садится напротив. Кладёт папку.

— Привет, — говорю.

— Привет.

Достаёт ноутбук. Открывает.

Я отмечаю дистанцию. Сегодня он сел дальше, чем в прошлый раз. Сантиметров на пять. Замечаю это — и ненавижу себя за то, что замечаю.

— Я доделала первый раздел, — говорю.

— Покажи.

Поворачиваю экран. Он читает. Быстрый взгляд скользит по строчкам. Это его манера: первый проход — структура,

второй — детали. Меня он читает точно так же.

— Здесь, — показывает пальцем. — Цифра не сходится с источником.

Смотрю.

— Сходится, Волков.

— Росстат, двадцать второй год. Ты взяла двадцать первый.

Открываю вкладку. Проверяю.

Он прав. Он раздражающе, методично прав.

— Поправлю.

Работаем. Двадцать минут — тишина. Стук клавиш, шелест страниц. За соседним столом аспирантка перелистывает том в кожаном переплёте. Кто-то у окна уронил карандаш. Поднял. Сел обратно.

Я печатаю. Краем глаза слежу за руками Волкова. Костяшки заживают — тонкая полоска у основания большого пальца, розовая, свежая. Я хочу спросить и каждый раз решаю, что это не моё дело.

Он пишет ручкой на полях распечатки. Постукивает кончиком по столу. Раз. Два. Три. Останавливается.

Поднимает голову.

— Соколова. Вопрос по прогнозу.

— Слушаю.

— Третий квартал. Ты ставишь рост теневого сектора на четыре процента. Я ставлю шесть.

— Четыре, — повторяю. — С учётом ужесточения про-

верок.

— Проверки усилят серую зону, а не уменьшат. Бизнес не уходит из тени — он перетекает.

— Перетекает, но фиксируется. Часть оборота попадает в статистику задним числом. Поэтому четыре.

Он откидывается на спинку стула. Кладёт ручку на стол — параллельно тетради, миллиметр к миллиметру. Человек, у которого даже хаос по линейке.

Смотрит на меня.

— Поспорим?

Я моргаю.

— На что?

— На один честный ответ. Любой вопрос. Победитель спрашивает — проигравший отвечает. Без права уклониться.

Я кладу руки на клавиатуру. Не печатаю. Просто кладу. Один честный ответ. Любой вопрос.

У меня в голове — список вопросов, которых я обязана не допустить. Список длинный. И половина пунктов в нём начинается со слова «почему».

Но я знаю прогнозы. Я писала эту главу три ночи. Считала по двум методикам — и обе дали четыре.

— На любой вопрос? — переспрашиваю.

— На любой.

— А если проиграешь ты?

— Тогда любой вопрос — мне. Без права уклониться.

Я смотрю на него. Он — на меня. В читальном зале тёплый жёлтый свет, и от этого света его глаза кажутся чёрными, с янтарной точкой у правого зрачка. Там горит то, что я отказываюсь называть. Но ритм сердца учащается.

У меня тоже есть вопросы к нему.

— Договорились.

Волков протягивает руку.

Я кладу ладонь в его. Пальцы тёплые, сухие. По запястью вверх, к локтю, к плечу, к основанию горла проходит разряд.

Он сжимает чуть крепче, чем нужно для рукопожатия, — и чуть дольше. Большой палец ложится поперёк моих костяшек. Одно движение — почти незаметное, почти случайное.

Почти.

Потом отпускает.

Я — нет. То есть отпускаю, конечно. Но под кожей, там, где прошёл ток, — гудит.

Убираю ладонь под стол. Кладу на колено. Сжимаю в кулак — чтобы перестало.

Не перестаёт.

— Срок — неделя, — говорит он. — К отчёту Росстата.

Смотрит мне в глаза, как будто считывает.

— Согласна, — говорю.

Голос садится на последнем слог. Еле заметно, но Волков точно замечает.

Я ненавижу себя за эту трещину. За то, что одно рукопожатие — одно — выбило из меня звук, который я не контро-

лирую.

Возвращаюсь к экрану. Печатаю. Пальцы промахиваются мимо клавиш — раз, другой, третий. Стираю. Печатаю заново. Дыхание сбито, как после бега.

Пытаюсь выровнять и снова печатаю.

Я никогда не проигрываю в прогнозах.

Никогда — это до этого момента.

— Соколова.

— М?

— Ты сколько методик использовала?

— Две.

— А по третьей пробовала?

Поднимаю голову. Что-то в его голосе — лёгкое, и даже ленивое — напрягает. Так говорит человек, который знает ответ до того, как задал вопрос.

— По какой третьей?

Он разворачивает ноутбук. Показывает таблицу.

Я смотрю. Читаю. Перечитываю.

Гибрид. Его собственный. Он наложил на стандартную модель свой коэффициент — и расчёт стал точнее. Элегантнее. Злее. Как он сам.

По ней — шесть процентов.

И я понимаю.

Он знал. Он знал до того, как предложил пари. Знал, когда спрашивал «поспорим» — с этой своей полуулыбкой и янтарным блеском в глазах. Он сидел напротив меня, смот-

рел, как я соглашаюсь, — и у него уже была эта таблица.

Он не спорил со мной. Он вёл меня. А я повелась.

— Это не утверждённая методика, — говорю.

— Будет утверждена через неделю. Когда Росстат опубликует отчёт.

— Ты не можешь этого знать.

— Могу.

Молчу. Смотрю на цифры. Его модель работает чище. Она учитывает то, что я видела в данных, чувствовала, как дыру в формуле — и заткнула чем попало, потому что мне нужен был результат, а ему нужна была правда. Или нет. Ему нужна была я — загнанная в угол собственным «договорились». Но зачем?

Я заложила то, что должно быть. Он заложил то, что есть.

В этом разница между нами. Я верю системе. Он верит себе. И, что хуже, — оказывается прав.

Пальцы холодеют.

— Значит, шесть, — говорю.

— Значит, шесть.

— Это ещё не значит, что ты выиграл.

— Это значит, что мы ждём отчёта.

Откидывается на спинку. Смотрит на меня — спокойно, внимательно, без единого лишнего движения.

Мне хочется сказать: ты подстроил, ты знал. И вообще — какого чёрта, Волков!

Я говорю:

— Возвращаемся к работе.

Он кивает. Опускает взгляд к экрану.

Уголок рта — вверх. На миллиметр.

Возвращаюсь к работе. Печатаю. Заголовок раздела. Подзаголовок. Сноска. Курсив. Точка.

Между строчками — дрожь.

Если он прав — у него будет вопрос. Любой. И я обязана ответить.

— Волков.

Поднимает голову. Ждёт.

— Если ты прав — какой будет вопрос?

Смотрит на меня. Долго. Спокойно.

— Узнаешь, когда выиграю.

Поджимаю губы. Возвращаюсь к экрану.

Печатаю. Курсор мигает. Дождь стучит в стекло.

И где-то между вторым и третьим абзацем я ловлю себя на мысли: он играет со мной как кошка с мышью.

Стираю мысль. Печатаю дальше.

Она возвращается.

Через час у меня заканчиваются силы держать спину прямой. Ещё через двадцать минут — лицо.

— Я закончу дома, — говорю.

— Хорошо.

Складываю распечатки. Сначала по разделам. Потом в файл. В папку. В сумку.

Он сидит. Смотрит в экран. Делает вид, что не следит за

мной.

Следит. Я это чувствую — так чувствуют сквозняк.

Встаю. Беру пальто со спинки стула. Накидываю.

— До среды, — говорю.

— До среды.

Иду к лестнице.

На втором пролёте слышу шаги за спиной. Оборачиваюсь.

Волков. Сумка через плечо. Куртка в руке.

— Ты тоже уходишь? — спрашиваю.

— Нет. Стою на лестнице для удовольствия.

Ровный голос. Ни улыбки, ни усмешки — только уголок рта дёргается вверх.

Я разворачиваюсь. Спускаюсь дальше.

Он идёт следом — на полшага сзади. Ровно на полшага.

Первый этаж. Стою у зеркала.

Голова плывёт. Я с утра ничего не ела.

— Соколова.

Поворачиваюсь.

Волков — у дверей. Куртка наброшена на плечи. За стеклом — дождь. Настоящий, тяжёлый, октябрьский.

— Подвезу.

Живот сводит. Коротко и тошнотворно. Потому что если он меня подвезёт — узнает, где я живу. Мой район — старые панельки за кольцевой, подъезд с выбитым домофоном, лифт, в который страшно заходить после девяти. Всё то, что я запаковала так глубоко, что иногда сама забываю.

Но Волков — не забудет. Он всё обо мне поймёт. И неизвестно как использует эту информацию.

— Не надо.

Быстро. Слишком быстро. Я слышу это сама — и понимаю, что он тоже слышит. Слишком быстрое «не надо» — это не отказ. Это страх. А страх для Волкова равен интересу.

— Варя.

Я вздрагиваю. Обычно он не называет меня по имени. Соколова — да.

Варя — это другое. Варя — это значит он подобрался слишком близко.

— Денис, не надо.

Вылетает раньше, чем я успеваю себя остановить. Денис. Я никогда не называю его по имени — и вот, пожалуйста. Он сказал: «Варя» — и я ответила «Денис», как будто он дёрнул за нитку, а я послушно размоталась.

Он это замечает. Конечно замечает. Зрачки — чуть шире. Уголок рта — ни вверх, ни вниз. Но что-то в лице меняется, будто он положил своё имя на внутренние весы и теперь не знает, нравится ему вес или нет.

— Хорошо, — говорит. — Тогда хотя бы до площади. Тебе ведь по пути площадь?

Я сдаюсь.

— Да.

Он толкает стеклянную дверь. Придерживает. Я выхожу. Он — следом. Снимает куртку с плеч, накидывает мне по-

верх пальто одним движением.

— Волков.

— Идём.

Куртка тяжёлая. Тёплая. Пахнет кожей, дождём и теплом чужого тела — его тела, — и я не должна об этом думать, но она ещё хранит форму его плеч, и от этого кажется, что он обнимает меня, не прикасаясь.

Садимся в машину. Отдаю куртку. Волков заводит двигатель, выкруливает — молча. Я молчу тоже. Тишина заполняет салон — медленно, от пола вверх, — и ни один из нас не пытается её нарушить. За стеклом — мокрый город, светофоры, красное на чёрном. Дворники отсчитывают секунды. Я сижу, вжавшись в кожаное сиденье.

На площади Волков тормозит.

— Спасибо, — говорю и берусь за ручку двери.

Он глушит двигатель.

Выходит.

Я замираю на секунду — он уже рядом, на моей стороне, закрывает за мной дверь. Собирается провожать до метро.

Идём. Десять шагов до входа. Дождь усиливается. Он — в одном свитере, моком, облепившем плечи.

На седьмом шаге моя сумка соскальзывает с плеча и летит вниз.

Он перехватывает.

Выпрямляется. Медленно кладёт мне лямку на плечо.

Пальцы задерживаются, а потом двигаются выше. Туда,

где между воротником и шеей — сантиметр открытой кожи. Мокрой от дождя, холодной — а его пальцы тёплые. Подушечка большого пальца ложится туда, где бьётся пульс.

Замирает.

Я чувствую, как он считает. Удар. Ещё. Ещё. Частые, рваные — и я ничего не могу с ними сделать.

Дождь. Площадь. Люди с зонтами. Вход в метро — в восьми шагах.

Палец сдвигается. Вверх. По шее. Одно короткое, невесомое движение — поглаживание. Такое лёгкое, что его можно списать на случайность.

Но у Волкова не бывает случайностей.

Палец замирает. Секунда. Давление меняется — хватка сжимается чуть крепче, чуть судорожнее...

Я перестаю дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.